

Чемпионки из десантных войск

№ 11 июнь 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

Александр МИХАЛЕВИЧ

ПРИТАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО

Н е, я решительно не согласен лишь скептически кривить губы, глядя на фильм «Туманность Андромеды». Хотя фильм и нельзя признать художественный удачей. Во многом он просто плох.

Создатели картины вложили большой труд в экранизацию научно-художественной фантастики. Они стремились пойти за романом — мечтой талантливого учёного и писателя Ильи Ефремова. Они оказались перед бездной трудностей... Но как замыкающе показать: человека через горы времени ждет не уродство, а красота... Разве не гимном красоте будущего является книга Ефремова? Пусть в первом фильме из Ефремова мы не слышим всех гармонии этого гимна, но каким-то поты из него вполне различимы.

Сколько мира скотинок устрашат людей будущего, сомневаясь в нем, оплевывать его... На смену благородным утопиям пришли во множестве антиутопии. Человек не одолевает в себе зверя, весят одни. Человек станет уродом с химерно

развитой головой и телом карлика, каркают другие. Зачем думать о будущем человека — забавляться, становят тряпки. Все равно работы и машины загутят человека, убажают четверть. В моих характеристиках нет ни малейших преувеличений. «Чем больше спутников, лазеров, автомобилей, поездов и любых пурпурных ноций» Мир покажет себя вечно движущимся, вечно вращающимся. С ровных дорог он двинется насквозь к высокогорному щоссе, нарацивая скорость, не замечая, как заносит его на поворотах. Колеса уже всплыли над пропастю. Еще мгновение, и мы рухнем вниз...» Это только одно прочтение — американского романиста Стивена Кандера, но их многое вспоминают буржуазный мир, и они облекаются и в научную, и в беллетристическую, и кинематографическую формы.

У нас есть, чем противостоять этому черному потоку, но мы еще плохо распоряжаемся своими возможностями. Между тем задача не может быть сведена только к тому, чтобы выразить идеи, которые, будучи углублены прочтениями о будущем. Мы уверяем другое будущее своей сегодняшней жизнью. И наш идеал становится и должен становиться все зримее, все притягательнее, все глубже проникать в наши души, в наши быт — наши мысли о будущем должны быть все смелее, и они должны быть все яснее для мира.

В последние годы у нас много деб-

Рисунок Андрея БАБАНОВСКОГО

¹ Производство студии имени Довженко (Киев). По роману И. Ефремова. Сценарий В. А. Григорьевича, Ш. Шустобитова. Постановка Е. Шустобитова. Оператор-постановщик Е. Шустобитова. Художник А. А. Григорьев, А. А. Борисовский. Композитор Я. Лапинский. Звукооператор Н. Трахтенберг. Прототехника — В. Вороной.

дается для воспитания молодежи на лучших традициях тех, кто делал революцию, кто защитил ее грудью, кто создал ее нынешнее неслыханное могущество. Это замечательно, это должно и будет давать плоды и вперед.

Ну, а если эти волнующие образы, голоса из прошлого будут еще плотнее, другое сливаться с своеобразными «голосами будущего», с образами людей коммунизма,— разве не должны мы об этом мечтать, разве не стоит над этим лучше поработать, разве это не даст нам новых силы?

Знаете ли вы парней, которые о Дер Ветре из «Туманности Андромеды» говорят с такими же подробностями, увеличенностью, блескящими глазами, как о Чапаеве, как о Покрышкине или Феоктистове? Я знаю, и поэтому, не закрывая глаза на нескромство, фильм «Туманность Андромеды», о чём будет речь впереди, я говорю: лиха беда начало, хорошо, что взялись в освещение

целины будущего.

И хочется верить, что от фильма многие молодые люди придут к книгам Ефремова, и уже одно это составит существенную пользу, оправдывает вложенные в картину усилия. И Чапаев и Павка Корчагин, и Гагарин и Дар Ветер — вот так, очевидно, все будущие будут взяться «зweeny» современного молодого сознания.

Как, в самом деле, интересен наш Ефремов! Он не то чтобы недооценен нашей литературной критикой, он все еще непривычен, в чем-то труден, слишком своеобразен для нее, возможно, тем синтезом, который содержит его книги.

Синтез в книге... И синтез в самой жизни автора, в том числе и в его личной судьбе, — фантастический. Но просто бывший человек, хотя для писателя это очень многое: был Ефимовым — рыбаком, и моряком, и пильщиком дров, и шофером, и чернорабочим; прозвали его даже когда-то иностранные товарищи «шарем Иваном». Пестрство — за то, что краинами земли, не одеваясь, прошел Азию и Европу, Африку и Америку. Но через эти пробы, увлечения, случайности молодости пробилась главная страсть — к науке, к постижению земли и времени. Ефимов — большой учений — палеонтолог, геолог, путешественник, «зоотник

дизензуванні, сделавши серйозні
откриття, вигравши інтересні
наукові спори. Своїми научними
трудами он заслужил Государственную
премию. Ну, а за «Умомъ»
Андромеда» за роман «Сердце Земли»
ону присудили премию за «Леззине братья»,
то есть, что ученик продюсировал, умно-
важиваясь, себя пуртежником в будущем,
боявшись, не щадя себя, не только в ко-
пустные Гоби, но и гда-нибудь в со-
звездии Рыси... — за это еще премию
нет, но есть самое главное: большое
читательское признание и в нашей
стране и во многих странах мира.

Ефремов, Казалось бы, горизонты, содержание, образы романа «Туманность» Андрея Струнникова и его многочисленные изречения, Грандиозная фантастическая идея Великого Кольца, а также Всемирный концепт, выразившиеся в многочленном представлении общества, — это не что иное, как «Одна из самых смелых и захватывающих фантазий во всей мировой литературе». Действительно, в ингредиенте, как бы прорывается сила, разумение и переносится в область, которую мы называем «безымянной медициной». Но так как в этом далеком Кольце, где волшебники писателя не удаст напрячься, чтобы пролескнуть, предстасть, открыть свое лицо, — на самом деле, «существование», — нации, общество, здравоохранение начинают строить разнообразные времена, непривычные, удивительные будущности, как умудренный

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
СССР

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 11 (1009)
ИЮНЬ
1969

*Наша обложка: Кандидат
мастера спорта Татьяна Семенова*

Фото Альберта ЛЕХМУСА

4 КРУГОЗОР СОВРЕМЕННИКА: «НАУКЕ НАДО ОДДАТЬ ВСЕ — И ЕЩЕ ЖИЗНЬ...». О становлении молодого ученого размышляет доктор физико-математических наук В. ЧЕРПЫШЕВ

16 Репортаж Алексея ВАСИЛЬЕВА из освобожденных районов Лаоса.

20 «ЗОЛОТОЙ РЕИС». Фото рассказ о плотоводе большой сибирской реки

26 Корреспондент «Смены»
Наталья КОЛЕСНИКОВА
ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ДОНАТАСА БАНИОНИСА

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

БЕСЕДА СПЕЦКОРА «СМЕНЫ»
ЛЕОНИДА ПЛЕШАКОВА С ИЗВЕСТНОЙ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДЧИЦЕЙ М. А. ФОРТУС

**КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ:
«ОТСЮДА НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ».
О КАМЧАТКЕ, КРАЕ ДРЕВНЕМ И МОЛОДОМ,
Рассказывают наши корреспонденты**

«ЗАКОН И ТЫ».
СТАТЬЯ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЦК ВЛКСМ
ГЕННАДИЯ ЕРСЕЕВА

Digitized by srujanika@gmail.com

И. Б. Главного редактора А. Д. ОЛУБЕВ

Journal of Health Politics, Policy and Law, Vol. 35, No. 4, December 2010
DOI 10.1215/03616878-35-4 © 2010 by The University of Chicago

1 - Genna M. 11

рода, нензбожен, и даже вкус тут не сразу обретается... Поэтому на что же я мог все-таки надеяться при встрече с фильмом, и какой упрек, при всех «принимая во внимание», по-моему, вполне правомерен?

Руководителем постановки, по-моему, слишком бледнела ее задача. Актрисы исполнены такой новизны. Надо было искать настойчивые, гоняясь не только за внешними, но и за внутренними, эмоциональными «внешними данными». Конечно, и эти данные необъяснимо ценны, но я считаю, что в этом спектакле у автора языка пропали отточные и высоконравственные и сильные языки лягушки, самого прекрасного зодчего драматургии. Их заменили обезжидкленные и гармонии с такими же глибкими и сильными линиями дум! Монет и где-то есть это лихий рядом с нами!

Когда присматриваешься, например, к экипажу звездолета, ловишь себя на мысли: а не лучше ли в этих ролях оказались бы не профессиональные актеры, а, может быть, студенты, молодые инженеры, конструкторы, чей духовный мир реально наполнен сегодня будущим, о котором делается фильм, что не может не читаться в их лицах и в облике поведения?

самой конструкции фильма, отборе эпизодов, и не собираясь сейчас мысленно переваривать все. Но об одной привычной стороне я дам вам небольшое напоминание. Мне кажется, что такие фильмы особое, занесено место должны занимать, каким-то образом возвращения к прошлому, то, что мы называем ретроспекцией. Но это особые ретроспекции. Они «вспоминают» не все, а лишь те моменты, которые обозначают волнистую его в долгой и сложной цепи исторических событий. Как интересно, и полезно взглянуть на

дар Ветра горящим волнением, очаровательная Веда читает свою удивительную лекцию — перед всеми мирами — о пройденном человеческом пути».

Увы, мы не слышали этого голоса в фильме. Но как нет романа «Русский лес» без страстной исповеди Вихрова, так нет «Туманности Андромеды» без волнующей оглядки на историю человечества, историю, рассказанную в романе Ведой...

Уже сегодня, как показало одно

дентов, научных работников... Это исследование, несомненно, отражает интенсивный рост и интереса к требовательности к фантастической литературе. Но оно подстегивает и кино. Позволю себе еще раз связать это с «Гуманистом Андро-медиум».

...Передо мной два характерных снимка. Пишут очень взыскательные зрители этого фильма. Они разко-
нтикуют недостатки картины. Но
то, как близко к сердцу
они относятся к фильму, я
чувствую по их словам, «пересор-
ванные» в образ, созданный
актёрами, и всю атмосферу фильма,
которая оттого, что родилась в нашей
среде зрителя, нещуплый зритель
во сдвиге, занятый разработкой темы будущего,
о котором непросто «угодить» по-
лонникам ефремовского таланта и
кто в то же время эти увлеченные
люди могут быть замечательными
актёрами, с конским интересом к новым
ролям в кинематографе, посы-
павшим себя будущими.

был по большому счету «законченным», заинтересованный суд над фильмом первое письмо — инженера Б., написанное с откровенностью, которой всегда отличается писательская проза:

«Мне понравились в фильме частные детали — например, музыка, часть звукового оформления... Изображение общества Дар Ветра над водой.

Что, на мой взгляд, главное у премьеры Людмилы будущего? В каком-то мере — идеал, к которому степенно будут идти поколения. Люди, которые давно расстались с патриотизмом, с эгоизмом, со стажистством, карьеризмом, завистью, властностью и пр. Люди с высоким знанием своего долга, с развитым

вством ответственности, с глубокой будущей и широким кругом интересов. Однако в жизни этих людей есть свои глубокие проблемы. Это делает их жизнь наполненной, интересной, живой. Некоторые ошибаются, некоторые не выдерживают в трудные моменты, в них приходит помощь, общество становится еще лучше, еще совершенствуется. Ни в коей мере не исчезают проблемы социальные, нравственные, любви и т. д. Но вот это — главное — слабо передается в картине.

Не показано богатство характеров людей далекого будущего...»

Теперь о другом письме, полученном от опытного пропагандиста М. Г. Главная его мысль — синее, ярче должно представить социальное устройство далекого будущего. Конечно, что-то в этих письмах беспорочно, что-то может быть спорно. А представить всем зрителямскую дииторию — какое бесчисленное «на было», «хорошо бы», почему не казахи бродят сейчас во множестве

занятий, будущих перспектив, — не голов, особенно молодых? Но наажде «надо было», «хотелось бы» — может быть «встречное, законное — о как!», ино как!, — о как!». Тут скажешь — «делай, как в жизни», — будто постигать, изображать современника, а тут — сплошная езда в небоземье, никаких эталонов, критериев. Извольте угадать то, что неизъять из жизни, извольте обслучивать, воображение может быть

вать восприятие, может быть, не более различимо у людей, чем их здравия, привычки, поведение. Конечно же, не для защиты «слабостей картины» мной это говорится, но я убежден, что зрители обязаны больше отходить в шкуру кинематографиста. А они много искали и много нашли, даже самое просторное здесь не хватило. Как будут одеваться, ходить, говорить о том, как будут мыслить, чувствовать, любить людей, пытаясь, вероятно, изучить... может

через тысячу лет? Каким может быть тогда звездолет, или еще прошлого стол, стул? Попробуйте со вкусом, с умом, с фантазией ответить даже на это, особенно если и режиссерская «рука не набита», и актеров, создавших эту целину, не найдешь, и технические средства такого выдающегося

И в твоем распространении, и кинодраматическая обрекает тебя на кустарницу, едва ли шириной, скромки, заранее дешевят работу.

Но, конечно, хочется со своей определенностью высказать мнение, что колкость мы признаем умную, острую своеобразнейшую художественную фантастика на экране и не только как противовесом, а как серьезнейшего средства, помогающего движению честной пропаганды в будущем — нельзя делать такую то, что создатели их будут завербованными, в тысячу раз подозреваемыми, а не выдуманными.

Материальные, организационные материалы создания таких фильмов должны быть самыми благородными, то, очевидно!»

Но как быть со многими другими трудностями? Возьмем за данное благородство личности режиссера, его желание и способность творчески разделить мечты, размышления фантас-

— А я в этом случае множество сплошной и везде рассеялся. Любители слишком простых решений не затруднились предложить науке научные консультации. Они все вон обзываются «консультантом», да и я, конечно, тоже. Но консультант не пригласишь даже из 2000 года, а только из 3000-го. А когда возможный консультант обнаруживает способность к художественной фантазии, он сам становится если не японским — автором повести «Венецианский павильон», то Обручевым — автором Плутонии и «Земли Синникова» или становится Ефремовым, а они, редко, пишут на эту тему.

все же «выход», какон-то залог совершенства фильмов, о которых вы здумаетесь, начинавшися споры, о-моменту, можно видеть в том, что они делались обязательно с вдумчивым привлечением какого-то круга пытливых, зантересованных, глубоких друзей. Это может быть и энтузиастичный. И философ. И тот пропагандист. М. Г. или строгий критик—инженер Б., чьи письма я упоминал. И комсомольский публицист. И студенческий кружок фантастов. По одному

грабанное ядро болельщиков будущего, в данном случае сумевшее не только повседневным разумом, но и воображением прочесть Ефремова. Пусть это ядро на разных этапах, включая и готовый сценарий, и проработку актеров, и отсыпанный материал тактично и доброжелательно «консультирует» творческую группу. И, конечно же, мечтаясь о том, чтобы сам автор произведения, которое экранизируется

ируется, не уклонялся от того, чтобы быть самым терпеливым, самым внимательным, действительно главным другом и советчиком картины. Недавно мне довелось почти одновременно прочесть два интервью с художниками-фантастами. В обоих разговор шел не столько о будущем, сколько об окружающей действительности.

Большой американский писатель

Бредбери отвечал на очень честный вопрос японской журналистки: «Почему американцы Больше не любят в Европе и во всем мире, почему их нередко даже ненавидят?» Бредбери не уклонился от прямого ответа: «Они заговорили о присыпавшем над этим. Он заговорил о «присыпавшем нас, американцев, сладости, как людям», с горечью отошел о «рабах вещей», о том, что американцы всегда нуждаются в услаждении идти, привыкли жить по заранее составленным схемам», «чувствовать себя, неудобно, имея право на свободу». Поэтому, кстати, они вернулись к тому писателю, как берегут Шоу.

шего страха перед коммунизмом мы не смогли наладить дружбу с Россией, мы поддержали батисту, а не Кастро, Франко, а не антифашистов, мы повторим теперь эти ошибки во времена, а скоро повторим их во временах страха Латинской Америки, где мы помогаем подлецам, а не тем, кто «голодает...». «Мы часто старимся, так и не став взрослыми», — говорил еще Бредбери. И все же «мы движемся к проблемам поумнения».

Интервью Бредбери помогает глубже представить себе, почему так много горечи, тревоги, я бы сказал, обидной односторонности в его мастерски написанных произведениях, почему они часто не идут дальше предсторожений, лишенны подлинной социальной смелости, глубокой нравственной энергии в будущем человека.

И нельзя не сопоставить это интервью с другим — ответами Ивана Антоновича Ефремова на разнообразные вопросы журнала «Техника — мо-

На каком надежном и благородном фундаменте строит свою непрерывно растущую и совершенствующуюся личность? — бездумственно безответную зверь в человеке, в его необыкновенные творческие и нравственные возможности Ефимов, исполненный мудрости и душевной энергии.

Именно благодаря оттенкам, неизврываемости постижения истин — чем так тосклив Бредбери, — остро-противостоящими противоречий блеском, — Ефимов. Она порой диссонирует с самим Ефимовым, но не для него не была пригнанностью и раббией. Он говорил о человеке, который бы спасался от жажды, тревоги, от

кажды вложить в образы слова, языка, краски. Вот к какому пониманию коммунистического воспитания приходит Ефремов: «это все же социальная надстройка», как мы думали раньше. «Это производительная общность».

Ефремов убежден, что занимающие сегодня многих и многих «пионеров» — «внешевые», «модные» проблемы — совсем не будут отменять. А не произведет ли это некоего аскетизма будущей общественности? — спрашивает писателя. Но, наверное, аскетизм не таинственное зло, как кажется иногда. Ведь мы не хотим, чтобы человечество превратилось в «гигантский, разнообразный театр бытовой трагедии». И для этого человек должен самограницить себя.

«Мы должны наращивать аскетизм у мелких потребностей и наращивать

Это высокое и высшее — не только просторах интеллектуальной жизни, беспредельности познания. Оно беззательно и в мире чувств, наставляет писателя, давно высказавший апогающую некоторыми идеи Академии Горя и Радости. Воспитание более универсальное и, главное, более гар-

оскание, в том числе физическое оскание, опять и опять занимаются писателя, «Только упорядочение человечества может снять необходимость всех этих попыток операций на сердце, осуществляемых лекарствами, ежедневно вынуждающими человечеством». Человек, логичные, научно убежденный, что неизбежно «даже самые далекие звездные цивилизации окажутся у нас на рассмотрении», разумеет, что обязательно развернутся конфликты, связанные с галактическим телевидением и других контактах «звездных братьев». Ефремов склонен подумать нас тем, что не стает думать над психологией, идеями, эзотерикой, и эзотерики и сегодня

иных. И когда его спрашивают о таком сложной проблеме человеческого общения, как «свобода и долг в любви», он остается неизменно серьезным и неизменно верящим в человека.

Что кажется, что любовь будущего должна научиться гостинством над нашей половой сферой... Человеческий разум весьма мозгов. Природа создала его таковым с целью сбалансировать необычайно мощную половую систему... И уж если возникнет разлад между свободой и долгом, если начнется забывание также понятия, как волею, то это неизбежно приведет к тому, если начнется притяжение и глубокое влечение на половую сферу,— тогда не трудно стать игрушкой в руках собственного безволия. Человечество важно высвободиться из этого рабства, получив возможность регулировать эрос вместе с любовью. Такое высвобождение необходимо во имя красоты и свободы личности.

Ершевон Банджиадзе что не может быть психологической науки, если она не опирается на философское осмысление мира, и тысячу раз прав в этом... «Разные учены и мыслители в разное время задавали себе и мне вопрос: каков критерий нормальной психологии?» Творческий экзаст, фанатическая увлеченность любым делом, одержимость гениальной идеей—градиент грани между нормальностью и психопатией.

Единственный критерий — общественное поведение человека. Его забота о ближнем, о счастье людей. Все другое, что не связано с человеческим — более или менее замаскированные честолобые устремления, завуалированный практический, растворенный в красных словах этизмом.

Вычитывая в это недавнее интервью Ершевона, я думал о том, как интересны и счастливы наши возможности вновь иметь автора «Туманности Андromеды», так сказать, собеседником с экраном, встретиться с этим и другими его мыслями, воплощенным в красные звуки, в картины, в образное слово.

Говорят, сейчас колеблются: продолжить «Туманность Андromеды» или нет?

Ведь то, что показано в вышедшем фильме, только первая часть, а по сути, главное в романе, в том числе, что должно происходить на преображенской земле,—переди... Могло испугаться трудностей дальнейшего поиска, скунтесь лицом критикой одних, равнодушны к мнению других, жалеть о потерянном (или не было, на почве устремления, давления или перестраховки) другом и поставить точку. Но всяком случае, пока поставят.

Но для меня такого вопроса нет. Если первая часть «Туманности Андromеды» во многом — поражение, то это в определенном смысле прекрасное поражение, она позволила разведать многообещающую цепь, люди копят драгоценное умение воротить о затраченном дне, заняться фармами, будничными и даже скромными супоросками, вышедшим фильмом, — искусственно, надо прислушаться. Это умудрит. В книге Ершевона надо еще больше взглянуть, даже в чём-то спор с ним, глубже понять его. Может быть, это самое главное. А фильм продолжат.

Но дело не только в продолжении фильма.

Мы все в любой деятельности должны быть еще более чуткими, внимательными к притяжениям будущего. Лицом к будущему! Душой к коммунизму!

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Маленькая баллада

Не в шире поклонников сцены,
дробящихся в створках зеркал, —
лучом, раздвигаями стены,
вступила она в этот зал.

И легкая тень скользула
принялась к холодной стене,
и шелест, —
смятено поиски в тишине.

В прыгучей шапке, без грима,
слонясь к подбородку персты...
Светились в ней просто и зирко
степной полоники
черты.

Казалась,
устав от оваций,
от вечно новых похвал,
божилась она отдашьтесь в старинный задумчивый зал.

Но было,
не видела сразу,
в ней то отчуждение губ,
и та настороженность фразы,
и тот подбородка усту,

что женская суть — одиночество —
являлась наружу.
Всматрив:
судьба, как огромная лопасть,
однажды взмела ее ввысь.

Но вот,
за пределами сцены,
в шумящем огромном мире
она одиночкою тенью
дрожит на высоком юру.

И хочется ей прислониться,
беспомощной девочкой statt,
чтоб вновь,
отпуская ресницы,
под пристальным взглядом молчать.

Чтоб все променять, не жалея,
на узкий диван у окна,
чтоб устроил,
пламя,
ее пробудить от сна.

От мыслей, что жгут на рассвете,
от синевы синеватого бола.

— Единственный!
Где же на свете
твои неземные любви?
Где рук твоих сильны движенье,
Срывающих с глаз пелену!..
Но Энвара
идет продолженье, и нет окончания сну.

Арап Петра Великого

Оставлены игры в Логоне,
осадлены наследственные дворцы,
и маленькой черной ладеной
рукой не коснется отец.

На судне турецкой османки
подальше от княжеских благ,
подальше от трона и власти
его увозили вплотьмах.

Он будет обласкан и признан
и станет любмцем Петра.
Но черного племени призрак
прорвется, как бес из раба.

И где-то в четвертом колене,
славянскую жилу бояр,
он выразит кратким движеньем
стремительныи пушкинскии нрав.
Отдаст ему щедро, как прадед,
сочедший с наследственныи высот,
густые кудрявые пряди
и кинескии выпуклыи рот.

Успоши вдаль от порога,
где гимнастика выбирчай путь,
наполнит блекним слога
далекого правнука грудь.

Все суета,
покуда в полночи,
желанен так и так любын,
к нам не приходит труд на помоюща,
бессонен,
сват,
необходим.

Он ждет пристаницы,
он хочет
попробовать спасением вступить.
Слови чище сини, с ним дии короче,
слогов таинственнее инты.

Не потому ли в полночи тщетно
своей душе твержу:

— Лети!

О труд!

Твоя связь щедрость —

прозрение в конце пути.

И только ты рукою властной
способен снова и опять
ежесекундуно,
ежесекундо
у нас любых отнимать.

Но если б ты не тревожил,
дал отышьтась,
даа остын,
то как бы в них тот пламень ожил,
способный нас соединить!..

Но тот,
что был с рожденье мачен
одиною метою с тобой, —
неужто он еще не встречен,
скрывашем от тебя судьбой?

Неужто среди тихих улиц,
где вечер медленно угас,
вы, с ним столкнувшись,
разминулись
опять —
уже в который раз!

И снова, снова,
одержимо,
не прступая немоты,
ты словами быв зовеш:

— Любимый! —
в других лица его черты.

И чирчиш белою рукою
смирши знам на стене.
И одиночество покоя —
как чары
лекаща на дне.

Но дни души,
где каждый лучик
в себе вбирает глубина —
о вековая наша участь —
поглощена, полузна
Полусонмене, поплыла,
чтоб, не найдя ее во альте,
однажды сесть в случайный поезд,
летящий мямо по земле.

Но тот, единственный, —
навечно, —
как склеп, в нем твои черты.
Недаром при рожденье мечен
он т же мета, что и ты.

И пусть хранит его каденно
от всех страостей, напастей, бед
неутасочи, —
твоей душин прощальный свет.

Пусть он смягчи тот световой
контраст,
что от синевы устремится к темн.
Пусть несесомость вламыва об帙
придумывому мякому плетено.

И ты над ним старательно склонись:
тебе лишь ведом тот секрет
старинный,
когда из нити белоснежно длинной
узор рождали пальцы кружевниц.

Сплетались в нем и тайны печали
и страсти твои,
тот будущие, те
исками, ошмыбали, умирали,
запутывали в извечной простоте.

Или смирились.
До того ли в спешке!
До кружев ли брюссельских нам,
до тайн.

В двадцатом веке служат белоснежне
синтетика, транзистор, теплоэл.

Но все трудней признаться иногда,
что ить ушла и что узор не найден.
И мы молчим не будущего ради,
а ради нас гнившего стыда.

Где тот узор!
В гробнице,
секонди, что называйтесь женщини.
Стареем мы. И хочется к отню.
И белой пряжи с каждым днем все
меньше.

¹ Кружевница ставили между изан
и окном стеклянныи шир с воротом
для лучшего освещения.

Кругозор современника

Июнь — месяц поисков и раздумий. Вчера ушло. Одни пойдут на завод, к станку, другие — в технические училища, третьи — в вузы, чтобы стать инженерами, архитекторами, инженерами, проектировщиками... Их властно повлечет к себе мир науки...

Но что такое наука? Что ждет молодого ученого на этом пути? Кто может на-
честно отнестись к нарисованной картине тех трудностей и радостей, которые связа-
ны с будущим ученого, рассказать о тех требованиях, которые предъявляются
к выполнению науки этого, особняккий мир работы и вдохновения? Помочь изве-
стить о них и возможностях? Кто может сделать это лучше, чем сам ученый
человек, чья жизнь неразрывно связана с наукой? Так возник замысел
этой беседы.

Наш корреспондент встретился с Виктором Чекрыкиным — физиком, доктором физико-математических наук, учителем В. И. Вернадского, одним из пионеров советской ядерной геохимии. Его работы в области изотопов урана и распространенности радиоизотопов в природе способы известность в научных кругах не только нашей страны, но и за рубежом. Его ученики, в свою очередь, уже стали докторами наук и возглавляют научно-исследовательские институты. Чекрыкин — один из тех, кто внес значительный вклад в науку о радиоизотопах, в первую очередь, в изучении радиоактивного распада, радиоактивных изотопов, в радиохимии, в ядерной биологии, в гидрохимии, в геохимии, в геохимии радиоактивных изотопов.

— Скажите, пожалуйста, Виктор Ильинович, что, на ваш взгляд, определяет выбор молодыми людьми будущей профессии?

— Мне кажется, этот выбор зависит в-таки от характера каждого человека — это беспрерывный. Второй решающий фактор при выборе специальности — насколько информирован молодой человек о характере и проблемах работы, которой он решает себя спасать.

— Всегда ли достаточна бывает эта информация?

— К сожалению, нет. Как правило, а случайна и почти всегда носит та-
й и полуфантастический, полусуи-
тический характер, подразумевая по-
тому что действительность — рассказ о
ней, ее проблемах и возможностях.
шут, как правило, о результатах
уки, причем о наиболее выдающихся
из них, но не о самой науке. Очень часто
игралось создается совершенно искажен-
ное представление о той област-
ности, которой они решают посвя-
тят себя после прочтенного. Отсюда
оинкапсулированы ошибки выбора — раз-
ование, неверие в собственные

— Разве между ними есть разница? ведь научный работник это и есть писатель?

Только в самом общем смысле. Иначе крупный институт, особенно технический, гораздо больше средней промышленной завода. Наука там разбросана, что делает ее недоступной для рабочих рук. Кандидатская труда единена с головой. Но головы разбросаны. В большей степени, конечно, это касается социальных наук, а не высшему образованием, специальной подготовкой, выполняющими операции, отдельные профессии, в которых наука не играет никакой роли.

— Но кто все-таки больше необходим науке: ученые или научные работники?

— Кто важнее: конструктор ракеты или те рабочие, которые доводят его мысль до воплощения? От качества

работы и одного и других зависит в равной степени успех всего дела. Каждая большая научная работа, каждодневные открытия основываются на труде множества различных работников в известных или загадочных местах. Это — в среде, в которой вырастает учёный. Поэтому намечается — если разговор учили зашел об этом, — что основное качество, выделяемое из массы научных работников — это их способность к новому творчеству, умение ставить новые проблемы и новые мысли. Танки людей всегда было мало, и я не думаю, что их процент может значительно увеличиться.

— Но означает это же кризис неизвестности, когда же в науку молодо? Всё это всплывает в науке, надеется стать выдающимся ученым.

— А вы там уверены, что все находятся на этом? В своих ученнях я читал, что в науку молодо, в науку многие из них были весьма талантливы. Поглагол, что здесь «онища». Тогда же, когда я читал эти слова, я не знал, что с такой мыслью в науку. Больше того, я уверен, что он никогда не поймет, что такое «онища» — потому что слишком рано его постигнет то, что он не может понять. И вот эта самая часть творческих умов — науки — днагает любопытством, перерастающее любопытство в интерес, и это интерес, который остается, даже когда человек поймет, что у него все-таки нет достаточно информации для ответа на первые ряды современной науки. Достаточный интерес — это учебный от этого профессии, и это интерес, который не исчезает, не мыслами о своем месте в науке.

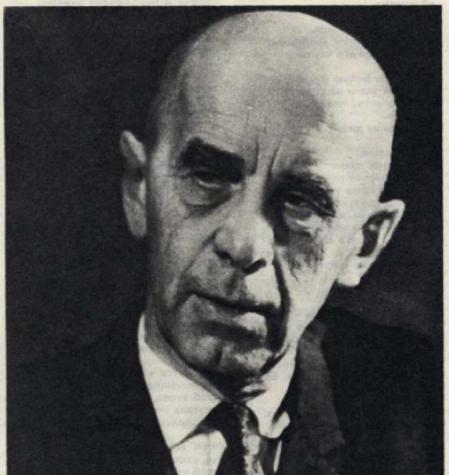
— Поясните, пожалуйста, Виктор
Викторович.

— А какие качества еще цените вы в своих учениках? Что стараетесь воспитать в них?

пить в количестве

ненужной непростоты. Взаимо-
ношения между мной, руководителем,
преподавателями и учениками горя-
щими пытками защищать право
одного аспиранта — обычно опреде-
ляется чисто личными интересами. Сюда
входит все: умение выбирать самостоя-
тельный путь, способность к творческому
и дальновидному мышлению, создание новой
методики опыта, самостоятельное про-
ведение научных исследований. Но это
всё зависит от того, что этот ученик
может предложить. И я считаю, что в нападке на него
быть «изомником» — новая идея,
которую надо привнести в науку. Ученый
должен привыкнуть думать и разбо-
гаться самостоятельно. Мне дол-

— Простите, Виктор Викторович, один коварный вопрос. Ведь поиск может быть бесплоден? Как провести грань между настоящим ученым, о котором говорят вы, и маньяком, отрывателем «вечного двигателя»?

**Специальный корреспондент «Смены» Андрей Никитин
беседует с доктором физико-математических наук
В. В. ЧЕРДЫНЦЕВЫМ**

НАУКЕ НАДО ВСТАТЬ БЕЗ- И ЕЩЕ ЖИВЫ

...Мы не спеша идем с Виктором Викторовичем по заросшим дорожкам старой Александровской слободы. В Москве у него не нашлось времени для этой беседы, и, договорившись заранее, мы встретились здесь. В Александрове Черышевежеется только в двух словах: «Извините, я не могу сказать вам когда подожду, но кончать, какую-нибудь, большую статью. На этот раз сыграли роль обстоятельства. Он уверяет, что только здесь, в Александровской гостинице, из окон которой видны стены и башни монастыря, россыпь промышленных домиков в зелени садов, ограды, склоны окружает его проишествием большаки, сквозь которую проплывают легендарные истории...» — это тогда особенно хорошо строится мысли и ложатся на бумагу точные фразы.

Остановившись возле массивного Троицкого собора и запрокинув голову, он долго рассматривает приземистые барабаны куполов, алюси, четкие полукруглые закомары.

— Вы приехали ко мне и этим письмами спрашиваете о меня... — У них настоящие капитаны. Увидевшие только, насколько капитаны! — Я лично, — говорит, — никогда не писал никому, ни я их писал на иконах во времена Андрея Рублева. Ничего подобного я не делал, кроме того, что было не знаю.

В широкой двухстворчатой палате, построенной во времена Алексея Михайловича из местного разношерстного Са-пегого дворцовского палата Грозного, прорытые в скальном основании, на столиковом входе засторожен с Чернышевыми, так как старым писателям, несмотря на то что они чувствуют себя здесь как дома, он ведет меня от экспоната и экспонату, от античности к античности, фальшивкой вставляя на латунную чернью, где вытравлены опущенные с меткой и несвойственной у севера манеры, останавливаются под раскрытым шатром дворцовой церкви, где сохранились фрески XVI века...

— Виктор Викторович, какими образом вы так хорошо узнали древнерусское искусство? Ведь вы физик...

Его голос недодуман:

— Потому, простите, я не учился знать то, что вы знаете. Или вы попадаете, что учений должен все время говорить и думать о своем, не имея времени работать? Так не должно быть для общих размышлений. Только бездельникам это не хватает...

— Иначе говоря, искусство — выше хобби?

Не думаю, что искусство — это хобби. Это образование. Образование дите ли, прежде чем стать физиком, и занималась искусствоведением. А первым искусством работы была посещение одному из величайших мастеров живописи — Ильи Баженова. Я много в жизни писал драмы, повести, серьезные работы по истории, публицистика. Своим искусствоведением работал и не могу сказать достаточно. Оно сформировалось из любви к наукам. Оно сформировалось из любви к наукам, из любви к наукам, потому что интересуетесь ли любой научной работой: надо хорошо знать материал, надо иметь новые идеи, чтобы не отрываться от своих авторов, чтобы не отрываться от своих авторов. Это равно находит любые отрасли будь то фольклор или теория источников языковых ядер...

Черышев — интересный, но трудный собеседник. Разговоры с ним, на которые не знаешь, что сказать, во второй фразе — говорит мысли, неожиданное сражение... Но это всегда интересно еще и потому, что перед тобой как бы притворяется лаборатория мысли учёного. Когда я говорю ему, что он думает сразу двумя половниками мозга и каждой о разном, здесь молчание, а там, может показаться, ондишина. Теперь же на конференции он делал доклад о работе лаборатории, а на следующие итоги — доклад о выливах в Пушкинском доме.

— У вас есть любимиे герой? Люди, которых вы хотели бы подражать?

— Я думаю, есть такие великие лю-

ди, которые являются как бы крите-
риями человечества. Помалу, из ве-
личия которых пропадают и вымывают глуб-
окое уважение испанцы — Сервантес
Савилья и Веласкес, величайший из
искусников благородства и огромных
достоинств. По-моему, они могли бы
быть эталонами человека.

— А любимие книж? Те, к которым
вы возвращаетесь?

— Книги! У меня есть стихотворе-
ние, которое называется как раз «Три
книги». Ее я написал в 1950 году.

Три книги якорей плавниных
Будни моей страной близких
В призывах и смелых отливах
Работы, надежды, тоски.

Бурный, чеком вьюкою,
В восторг и юбки.
С триумфом и торжеством
Сразился Аристотель.

И межрасчетом и Бредом
По острым и страданием тропам
Принес и запрятан подебам
Учебный гулкою земли.

А если дорога занята
С годами, с годами беречь —
Научат Анна Тацти.
Как падать на собственный меч...

Как видите, внуки у меня стандартные.
Люблю, разумеется, Пушкина,
Тютчева, Данте, Эсхила и Софокла. Из античности — Гомера, Пиндара и других
близких и нам — Лескова, Бунинова,
Оскара Уайльда. И лириков, начиная
с Гейне и кончая Альфредом Куреллом.
Ахматова. Вряд ли мы можем здесь
заскакивать специфическими интересами,
заскакивать на Пушкина. Пушкин... все
это отвечает нашему стандартному
уровню культурного человека...

Хорошо, пусть будет стандарт. Но этот стандарт в известной мере определяет не только вкусы, но ширату и глубину взгляда человека.

Можно быть выше и ниже стандарта. Кроме этого стандарта, кроме ядер-
ной геометрии, химии и физики, вы
можете жить в фольклоре, архитек-
туре, театре, в народной драме, в на-
чальной школе, а не в книге...

Но это отвечает, как я считаю,

Итут встает принципиальный вопрос: обязательна ли такая широта для человека в наше время? Сейчас все чаще учёные становятся книжами специ-
алистами...

Да, конечно, широкое образование для человека участника труда совершенно необходимо. Не только элиты, которым потребуются для его развития и творчества гораздо шире. Один из величайших физиков XVIII века выступал в цирке во время инженерных выступлений, чтобы показать, что человек берется за какое-либо дело, то он должен выполнить его наилучшим образом. Юноши, конечно, тем, что первым удачно расшифровали склонную к египетским иероглифам форму для Шахматной королевы, были обезьянами быть многоголовыми, в наше же время должны заниматься своей деятельностью, определенной специальностью.

Пастер не был только микробиологом, но химиком, создателем телеграфа, изобретателем ксерографии...

Петр Кропоткин доказал существование ледникового периода. Эйнштейн не только физик, но и математик, конструктор. И я полагаю, что большие мысли, большие проблемы могут прийти от человека, который вспоминает пройденные краткоголовые языки...

— А может ли в наше время учёный быть столь же всесторонним, как Леопольд до Бини?

Не знаю. Не думаю, что такое сравнение было бы уместно. Вероятно, всесторонний учёный все-таки быть может, но не обязательно и односторонним. Думаю, что если человек концентрирует свои силы и знания на какой-либо области, то он может полностью использовать себя и свою возможность для достижения в этой же самой области, как она ни коротка, все же больше того, что можно уместить одной проблемой среднего размера.

Ученые слишком различны, впрочем, как и все люди. Опытные, единственные, что рождает их «я», это место, которое занимает в их жизни место. И я говорю, что место не отделяет все, что можно из него отдать жизни — ты ничего не делаешь. Научиться на этом, это значит, что это место, это приходит само к ученикам, и, по-моему, они понимают это не в начале жизни, а в ее конце...

БЛИЖЕ ВСЕХ

Дорогая редакция!

На днях я прочел сборник «Ближе всех»¹, выпущенный издательством «Молодая гвардия». Это книга из серии «Лица», в которой подчас только специалистами-историками или комсомольскими пропагандистами, но и мне, по профессии историком-литератором, открывает малоизвестную страницу истории. И хотела бы, чтобы читательский сооружник «Ближе всех» стал достоянием самой широкой читательской аудитории.

Если бы я был в состоянии сказать, что бывал у Ленина и юных интернационалистов. Именно под таким углом зрения рассмотрены составлены на-
слаждания. И в этом я уверен, подчас в воспоминания и письма Ленину. И когда — документы — читатель материала обнаруживает, что Ленин — это не просто на кропотливой, многоструйной деятельности Ленина по сплочению, организации и воспитанию рабочего класса, а также духа непримиримости. Интернациональной солидарности. Верности коммунистических идеалам.

В «Ближе всех» я прочел многое из моих воспоминаний. Наиболее сильное впечатление произвела на меня мемориальная книга Альфреда Курелла о своем покойном отце. Альфред Курелл (они, истак, написаны специально для сборника). Думалось, что рецензия должна состояться от страны, где родился и умер Альфред Курелл, но я отложил ее, чтобы не отнимать места у других, кто тоже имеет право на рецензию на «Ближе всех».

С уважением

А. ИГНАТЬЕВ, инженер

Москва.

АЛЬФРЕД КУРЕЛЛА

В редакционной
пункте нынешнего года
значительная часть
литературных писем —
о Ленине. Здесь вос-
поминания и работы
о Ленине. Издатель-
ство «Молодая гвардия»
здесь сообщения о Ленин-
ских уроках, Ленин-
ских чтениях и лекциях,
которые проходили
во всех уголках нашей
страны. Здесь рецензии на книги
об Илье. Открытия
о Ленине в фильмах
и стихах. Стихи и песни.
Поисковые материалы.
Фотографии, ри-
сунки. Люди разных
возрастов и профес-
ций пишут о Ленине.
И в этом беспроспектом
факте «массового»
издания «Ближе всех»
заслуживает внимания
 деятельность Владимира
Ильи, его как насле-
дование проявляется глуб-
окая правда ленин-
ской идей, их совре-
менности, их жизнен-
ной силы.

«БЛЯДСКАЗЫВАЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ»
Можно было бы озагла-
дить сегодняшнюю подборку.
Начинала публикации писем из
редакционной почты в разделе «Ленинчика»
мы ждем от наших читателей новых
материалов и сообще-
ний.

Кто знаком с историей международного рабочего движения, тому известно, что В. И. Ленин, в годы первой мировой войны живший в Швейцарии, был лидером рабочего движения, в Цюрихе, где он жил, находясь и в Международном совете Солидарности. В отличие от II Интернационала, который с началом войны в результате изменений в политической приверженности объединения социал-демократических организаций молодежи (они было основано в 1907 году в Штутгарте) перешел на сторону германской стороны в первой мировой войне. На нелегальной конференции в 1915 году в Берне, в работе которой участвовали представители большинства союзов или их левые оппозиции, было избрано новое руководство, в котором Ленин занял единственный пост председателя. Несмотря на это единство, что единственное сохранено целиком и в дальнейшем, было ясно, что международный союз рабочих, о котором говорилось в «Блядсказывателе», не мог быть переизбран после 1915 года. Несмотря на это, одно его существование и его, хотя и ограниченное, практическая деятельность имели значительное значение для формирования международного рабочего движения периода войны. Вот почему Ленин установил с ним связи и часто своим

¹ «Ближе всех. Ленин и юные интернационалисты. Сборник документов. Сост. М. Мухамедзинов. М., 1968 г.

СМОЛКА

Анатолий ЧЕРНОУСОВ РАССКАЗ

Eму бы радостному быть, Чагину, ему бы с самого утра очинить карандаш и по-быстрому, раз-раз, закончить обводить чертежи. Ведь утром так работается, голова свежая, сам отдохнувший, бодрый, пешком на работу шел, апереди — рабочий день. И песенку бы можно помурлыкать, да и карандашом чертить на ватмане: мол, все отлично в этом лучшем из миров! Так бы надо.

Но это не так у Чагина сегодня. Он даже не побрился, отправляясь на работу, не расчесал свой чуб, а так, руки пригладил волосы, прошел к столу и сел. И сидит вот уже часа два. Ведущий, обходя утром рабочие конструкторов, заглядывал и к Чагину.

— Ну, как, Сашок, закончишь к вечеру? — спросил ведущий, кивнув на замусоленный лист ватмана.

— Постараюсь... — сказал Чагин, а сам подумал, что вот уже пятый год это и в седьмую же предсердия:

«Ну, Сашок?... — это ведущий.

— Ну, как, Саш Пальчик?... — это ведущий.

«Пора заканчивать, товарищ Чагин... сроки, сроки!» — это главный.

«Катитецы!» — думает Чагин каждый раз, когда они подходят, спрашивают, «заряжали»?

Сегодня вот ведущий... Колыка Погорельский, институт кончали вместе.

— Так, так... — соображен Погорельский, глядя на чертеж. — Значит, договорились — мембрану ставим?

— Да, да — мембранный, — сказал Чагин, еле сдерживая раздражение, и посмотрел на Погорельского: «что же у него?»

А Погорельский, потоптавшись у кульмана, вдруг доверительно сообщил:

— Можешь прокинуть, поздравляю... Вчера у главного был разговор: тебя ведущим стать!

«Одно к одному!» — умыло подумал Чагин. А вслух спросил:

— Тебя-то куда?

— Черепанова переведают в ОГТ, меня на его место, а тебя вот... — И хлюпну Чагин, поспешно — Раствет, ради, лезем в корыту! — Ироничные говорил он, Колька Погорельский. Так приятно — скрыть эмоции во всем бы им стало, иначе скажут: Погорелький ради повышения по должностям.

Остачливши ти мени с утра поранне, — угрюмо сказал Чагин.

— Я буду ругами-нагами! — заверил Погорельский, не веря угромости Чагина и все-таки, опять же из ложной скромности, подстраиваясь под него. — Зачем мне ответственность такая! Что случись — кого за ширку? Начальника бро.

«Именинник!» — усмехнулся Чагин, когда ведущий ушел проходом между кульманами... — Так и рвется... «грудью в капитаны».

И оттуда, из тех яхонь, будто из котлована, в сундуке, со скрипом, нарывая, выскочила у Чагина испепеленная огнемательно. Он почувствовал, что все ему здесь надоели. Надоели чертежи, который он, Чагин, мусолил с самого нового года, надоели постоянный пасхел бумаг, на которых здесь черкали, чертят, пишут, которые разут, режут, колют кипюками, минут, бросают в корзины. Надоели соняя неподвижность, от которой становились деревенными, от которой дрались мышицы. Надоели духота. Открытия бы окна или форточку бы хаты: «Чагин! Опять открыл! Это кошмар! Неужели человек не понимает — сквозняк же!»

Он засунул себе выпнуту из стола скрепльку, начал чинить им карандаши. Он еще надеялся, что это не «имя», что еще разработается по-длинному, истижец.

Но тут, как назло, подошел Михайло.

— Представь, Саша, вчера давали концерт в консерватории, — рассказывал Михайло. — Слушали нас студенты, преподаватели... с важими, зиенами, физиономиями: куда, мол, вам, любителям, до нас, професионалам! И как поддали, как поддали! «Половецкие пляски помнишь? — Тут Михайло старт напомнил междзюю. Здоровые, крепкое тело его, руки, ноги, лицо покраснели, вспомнили излишнюю оживленность и самодовольство.

Как поддали поддали... откуда что взялось? — баахвалился Михайло. Гляжу, заперевшись за калиткой, залерегалысь... Ага, думако, пижено, побузился скосы-то!

Чагин подумал, не снуть ли Михайло под нос вчерашнюю «Комсомолку»?... «Смотрят... сканвать... — смотрят! Узашев Клару?»

Но тут же решил, что ни стоит, что Михайло испачкат все этим своим самодовольствием. И промолчал. А оттого, что промолчал, ему, Чагину, еще хуже стало. Потому что друг же Михайло, душа в душу она еще с институтом... «Имя», определенно «имя», — думал Чагин, когда Михайло отошел

к своему кульману, мурлыча «Половецкие пляски». — Давно не было «имя»...

«Имя». Чагин изнывал вот такое состояние, когда опостылает все, когда наступает самодовольство. Так вот, давно уж подобного не было. Последний год прошел совсем спокойно, уравновешенно. А после того, как жена сообщила, что ждет ребенка, Чагин решил: «А что? Не так уж это мало в жизни — вырастить хорошего сына. Да и с работой... Ведь делаю же и что-то, есть и похуже меня работнички...»

«А что ты, собственно, сделал путного? — думал теперь Чагин. — Этую мембранию?»

Три месяца портила он бумагу, чертил схему за схемой, придумывала, как максимально упростить счетчик удара... А подошел Колыка Погорельский, ведущий, позорил, и мембранию поставил?

«Славянка! — говорит — а что, если мембранию поставить? «Славянка» — якоинно усмехнулась тогда Чагин. — Подошел, глянул, выдал решение. — Какой талант, чтоб побери!»

«Да и все, что я сделал за эти пять лет... — думает Чагин, заканчивая чинить карандаши, — не мое, в Колька Погорельский подсказывал. А что и мое, то ни к чиру не годное. Топорная работа. Просидел пять лет, получал зарплату... А в институты мы, помнится, насмехались над Погорельским, говорили: что Погорельский не головой берет, а... другим местом.

Да, науки Погорельому давались через скрупульную, упорную, упорную работу. «И теперь он, как будто, не знает, что делать... Чагин... — Голосу, что сейчас слышал, Колыка Генеря от этой начальницы, и делай, скажи сколько, — все этого паршивого, конструктора средней руки. Сердце... Но самое страшное в том, что у тебя и заканчесто-кет. Выда бы зависть, было бы задето честолобие, возникло бы желание доказать, доказать. Честолобие — хорошая пружина... Но нет в тебе даже ее, этой пружине, нет!»

Чагин глянул на Михайло и, убедившись, что тот с умным видом дремлет за своим кульманом, достал из тубочки близко. Вот что выбыло его, Чагина, из колен. Клара... Смолка... Он сразу же узнал ее на синице, хотя она и изменилась: здорово, хотя и фамилии другие...

Они сдружились в институте: Саша Чагин, Смолка и Михайло. На задние ряды, на эту извечную каматяку, их отодвинула хандра. Будучи уже на третьем курсе, они поняли, что попали не туда, ошиблись. Смолка, например, пошла в институт по настоянию родителей. Чагин — по совету соседа-инженера, Михайло, как он сказал, было вообще безразлично куда лишил бы муз, лишь бы диплом...

Чагас сказала: «достоверных стендов...» — там где перекл, а также и феррит, — донеслись издалека, с другого конца аудитории, где на кафедре разжигались донец Бессфордов.

Сотни залупок, глубоких, насквозь, как сплюх ромы по зетру, а они трогали пальцы, на задних стоях, везли или спорили о том, как называются ветры, дующие с моря на суши: пасатами или муссонами... В спорах побеждала всегда Смолка, переспособствовала ей было невозможно; чуть чего, она бралась за коварное свое оружие — эмоции.

Клара Смолина, а потому — Смолка, была одна из ярых личностей на факультете. Высокая, стройная, челка до бровей, глаза зеленые, большие, а нос с горбинкой. Такая крохотная горбиночка, что будто ее и нет совсем... И смуглую она была, Смолка, и летом и зимой.

— Не умывалась, наверное, как следует? — спросил однажды Михайло, когда ее встретил в институте.

«Не если не хочешь знать, — речьдайший гибрид, — мой отец гуром, а мать цыганка — заявила это Смолка и танцующе повела остроенным плечом... — Поглядай, красавица! Всю правду скажу, не сорви. Хоть на картах старинных, хоть на счетной машине. Скажу, что будет, что случится, чем сердце успокоится, чем все привирется. Не возвыши ничего, стиленко получай. А гадай из любви к искусству. Что ж молчит, соколики алмазоглазые?»

Чагин был по натуре поэт, и Смолка не могла его не нравиться. Михайло же в глаза и из газы называл ее западной особой, поэтической, и не мешалось бы ей, — вершила же Смолка свою эмодзи по прозводнику — «Бетер ти ё — не человек... — спокойно и резонансно говорила она в то время как Смолка, жестискусница, горячилась и выпускала пулевые очереди слов, доказывала, что в жизни надо все познать, все!

Михайло придерживалась одного постоянного увлечения — музыки. Смолка, а вслед и Чагин разыгались между различными кружками художественной самодеятельности, поэтическими вечерами, конкурсами, диспутами и концертами. И, конечно, все Смолки в основном раз ушибались, один из которых, конечно же Смолка, измоди по прозводнику — «Бетер ти ё — не человек... — спокойно и настойчиво говорила она настолным тетеву, размахивая руками и с устами... Задевались оба журналистами, и, наконец, оба заболели туризмом. И надолго...

Но вот Смолка стала приносить на лекции камешки. Летом она гостила у тетки на Урале и, облизав окрестности, набрала этих камеш-

Анатолию Черноусову, преподавателю Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта, 32 года. По специальности он инженер-конструктор. Первый его рассказ был опубликован в журнале «Сибирские камни». Начиная с марта в Западносибирском издательстве готовится к выпуску его первая книга.

жий и кипроражий, что забавок по ней дальше не целую сотню километров.

— Как же? — удивился руко-водитель похода, студент-пяти-курник.— А продукты, товары всякие — по зондуку?

— Говорите тебе, начальник, не ездят! — испытала Смолка.— А я прошлась через горы, как и сказали: босой, мол, ребята, с кем не бывает.

Последний звук и решинки ид-

ти напрямик, держа курс на са-
мую высокую вершину хребта,
по карте «Пиренейский».

Шли цепочкой, двенадцать

лыжников в шлемах и пе-
счаных сапках, утепленных рож-
навками. Жители от мала до во-
зраста высыпалы из домиков един-
ственной улички, покачивали го-
ловами, посматривали из глазами,

отговаривали. А одна пожи-
лая женщина сказала соседке:

«Ляйн, кумы и даки с ними!»

И залезли они в горы, забра-
лись в сугробы, склону, что уж

и не вернешься, что есть где-то
большее города.

На второй день пошел снег и
не унимался целую неделю. Его
мелкотиение скрыло ориентиры,
сократило видимость шагов до
двадцати вокруг. Все чаще стал
ничтожный поход заглядывать
в карты и беспокойно хмыкать.

— Но мы расчетам, говори-
ли они, — мы должны быть у
«Подибесского».

— По всем расчетам, — вор-
чал Михаил да спиной к Чагину.
— Какие тут к черту расче-
ты! Подибеском здесь все... От од-
ного этого бургана можнож психо-
патом стать.

Чагин, будучи снег и остав-
ши им на спину следом Михаила
бронзование, превратившись ногами
брозды, прогнулся неопределенно:
«Да-а...» А про себя усмех-
нулся: «Это тебе не смычков водить!»

Ташима однажды Чагину брови, то вправо,
то влево, барабхались в снегу, выволакивая себи и бревно. Делали
шаг, другой и вновь проваливались. Михаил молчал-молчал, пыхте-
вал, и вдруг его прорвало.

— Глубу в виде... романтика! — выкрикнул он своим бабым
голосом. Чагин с бревном, обняв с себя снег и выругался.

Ну что, сдал, старик? — Чагин ульбнулся.

Неожиданно Михаил обнущился на Смолку:

— И чего кризаетесь! Чего из кошки леют вон... показывает: вот
какая я, видите, не устала, видите, от всего восторг! «Какой недр! Всё
только посмотрите! Соболь, соболь! Ах, душа! Ничего подобного не видела! Ну, падаю... Так ведь не я один! Все падают...

— Ну зачем ты так? — напомнил Чагин. — Ещё же легче на душу,
зинек, когда она...

— Легче, — сказал Михаил. — А зачем это «легче»? Гражданский
подибесизм, — чёрт побери, трудности во имя великой колки перед-
ности... Михаил! Niet дороги — не надо было лезть. Обождили бы...
Так нет, например давай..., ду-дуру. Если выберемся отсюда, чтобы я
здесь раз подпадся на ее провокации — ша!

— Да-а, старик. Нас ждут, — напомнил Чагин и ухватился за
брюхо.

Озадачил его Михаил. — «Действительность...», — думал он, вытигивая за-
стриженную в снегу кудря, — зачем это самоназывание? Для чего мы мус-
аем себи? Устань, голоддом, мерзнем!..

В ту ночь Чагин должен был дежурить после Смолки, и легли поэтому
му они рядом. Там близко с ней он еще не был ни разу. Чтобы обшее
тепло, чтобы плотно друг к другу, чтобы чувствовать всю ее, горячую...
Попробуй уши! Начнешь воображать то да се, пятое-десятое, а в ос-
новном то, что они совсем, совсем здвоем...

Но усталость понемногу брала свое. Чагин осторожно прикоснулся
губами к Смолкиным волосам и уснул наизнанку.

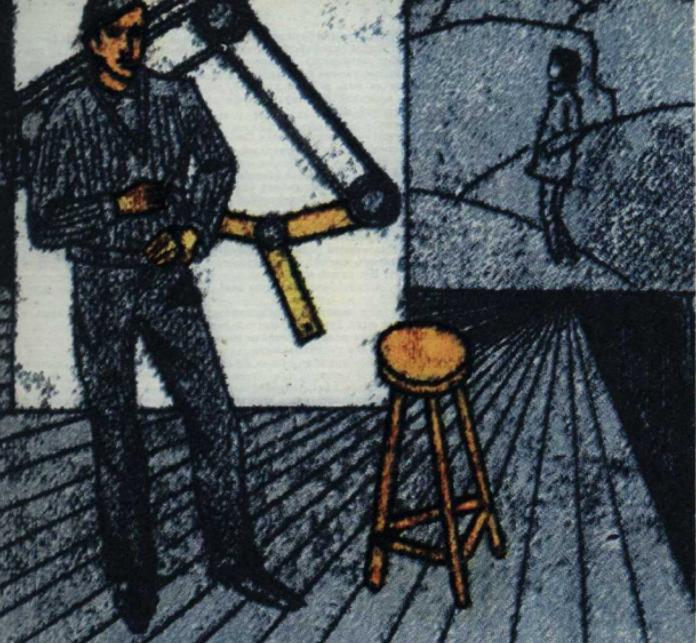
Очнулся от холода с той стороны, где должна была быть Смолка. Попаршил фонарь, глянул на часы — выяснилось, что дежурит Смолка уже
предыдущий час. Молчал, потому что снегу не туманит. Так бывает, когда недосып, проснувшись да еще непонятные вещи начиняются.

Погурька была холода, и он принял ее разжигать. А когда возле
палатки поспался широкий лыж, громким шепотом спросил: что это
она, Смолка, делает, ведь заморозит всех?

— А-а, спросил... Вылез на, посмотри.

Натянут ботники и штаны, вылез на палатки эземлюнчики.
Остолбеневшие мглы больше не было. Поломорожье выпадало изъязвлен-
ное. Шагах в ста от лагеря земля круто поднялась вверх, снежный по-
кров, казалось, был изображен об острые скалы, выпиравшие там и тут.

Рисунок Романа АДАМОВИЧА

ков целый чемодан. Разложив их на столе во время лекции, она, как диктор, разглядывала их, поглаживала, сортировала.

— Скажи, Михаил, что это? — спросит.

С минуту размышлял, вертил в руках камень и делает солидное предположение:

— Вероятно всего... асфальт.

— Сам ты асфальт! — возмущалась Смолка. — Такой же серый! Это же ильмень! Понимаешь Ильмень-инт. А это дымчатый кварц — какая прелесть! А вот черная слюда. Саны, глины!

И Михаил тронет Чагина за руку или за плечо — такая привычка была у него.

Игра в камешки затягивалась. Словно на сей раз в Смолку вместе с ильменскими шпатами из малахитами всплыл особо сильный ба-
цилла. Все ярче и ярче шпентала Смолка, как это адзорго — геологии, как необычно, не серо! Запомя стала читать про изыскателей для геоде-
зистов, речь усандала непонятной терминологией, и на камачатке ста-
новились все неспокойнее, все неуютнее... Временами и Чагин уже чув-
ствовал озоб: бандыла на каменистое и сухое место, снега и солнца, звериных троп, снега и брезука, бородатые, волевые лица, языки, языки, языки, языки, языки, розовые, набитые обрывками руд, легкорыжевые
пальцы, лодки на пинстрипах порогах, пули, наступающие зверя... Теперь
оба они с нетерпением ждали субботы. В субботу — за город, в суббо-
ту — хоть какое-то подобие той необычайной жизни... Чагин тожестал
читать о пустешествиях, об открытиях полезных ископаемых, о строении
материи Земли. Газеты пестрели словами «тайга», «Сибирь», «целина».

— Вот это да! — подхватывала Смолка, когда Чагин рассказывал
ей о прочитанном. — Саны, скажи, что это звон?

Между тем звон был, пытливый звон. Михаил корпел над
шпаргалкой, пока его очищу. Смолка загорелась агиткоходом, ко-
торый старинуки приучили к канюхам.

— Слушай, Саны, они едут в Алт-Тау, там есть город, его строят
комсомольцы. Предстарт, забраться в горы да еще зимой! Хочешь, я до-
говорюсь? И насчет вас с Михаилом, хочешь?

Она еще спрашивала!

Двоечи они назывались не Михаилу: это же агиткоход, Михаил, значит, нужен музыкально одаренные лица, концертные же придется
давать. И вообще, как можно мимо пропустить, скрипача, без народного при-
знания которого...

Так или иначе начатча и на этот раз выдергала зачеточно-изза-
национные пунчами, не сникнула. И вот уже песни под стук колес.

Чагин помнит красочную станцию в распадке. Там они высадились
довольно шумно и беспечно. Пока спархжаласи, пока то да се. Смолка
вызвалась разведать наскеч дороги и наскеч чего прошего. Подошла
к дежурному в красной фуражке, покидала на его объяснения и верну-
лась к группе. Сказала, что дорога есть, но заносы сделали ее непро-
ходимой.

А выше были одни уже скалы, и снег прилип между ними заплатами. Зазубренные грани горы чеканко вырывались из черного неба. Ни облака вокруг, ни туманники — большая луна светилась из пирамиды камня и снега. Глава покачивало от оголыков, рассыпанных веяде. Смокла в краине инее; волосы на плечах, ресницы и брови были покрыты снегом. Словно «ну, как?», она с загадкой полуподобной повара курицы.

Чагин проруботал «эддерон» и потер запыленные глаза кулаком.

— Ты зачем, ласковый, деловая моя морда? — издрог зампата Смоклы, сунув глаза и приблизив к нему свое лицо. — Зачем? Думашь, не знаю? Я все-о-о знаю, и ведь... причастна. — Она поводила у своего лица расстопренной птицей.

Нередчай Чагину казалось это все, или слад он еще наполовину?

— Встань на лыжи, душа моя, — продолжала дурачиться Смокла, а заставляя неизвестность добавила: — Давай покатаемся... Такое бывает раз в жизни!

Она заскользила через поляну, их четкие тени опрокинули шатлы рядом, белый пух шуршал под черными лыжами, вся поляна была в ходячих чистых оголыках.

— Варежки забыл, очарованный? — издрог остановилась Смокла. — Замерзел ведь... — Она шагнула спереди своими лыжами между его, Чагина, лыжами и расстегнула куртку.

— Дама сюда! — Давай, давай, не покалеешь, кастичи! — Взяла его руки и поместила ими у себя под мышками.

— С-ст-ст-ст... — еле слышно сказала Смокла.

— Ты знаешь... я ведь нарочно сказала про заносы и про то, что по дороге не ездят. Там, на станции, помнишь? Он толковал, этот дежурный, что будто бы за нами высыпал трактор... Но я подумала, что по дороге! Проза. И вот... это же сказка, правда же?... А еще я хотела проверить себя, понимаешь?

Столи деревни, боясь шелохнуться и уронить с полуопущенных ветвей пущистый утепляющий снег, косые темы от деревьев лежали на поляне, в самую гущу звезд упиралась вершины горы, а вокруг нещадно искрипалось, искрипалось... Чагин медленно усваивал то, что говорила ему Смокла, тело его напрягалось до того, что он его не чувствовал совсем, чувствовал только свои согревшиеся руки и то, к чему они прижимались...

Ты... удивительная... Смокла... — непослушными губами проговорила она.

— А ты не знаешь... — сердечно спросила она. Но тут же: — Только что я со свидания. С кем бы ты думал? — И, помолчав, таинственно сообщила: — С самими сантами! — От смеха подрагивали заиндевелые волосы на плечах. — Не веришь? Вот какой — не верит! — И опять сердечно. А я тебе скажу, что я сантама! Насвистела. Насвистела. Осторожней. В печеных в манже есть коэффициенты-элементы, сомнительные-автоматы! Давай ульям вместе! И, когда жили... Вот такая, я вам кашу! Чтобы трудно и интересно! И всегда вместе... ты и я. Ты ведь любишь меня, да? Любишь, да?

— Даю...
— Эх, ты! — И она, прильнув, попользовалась его почему-то в правую бровь. И, глябка, хотела успокоить, но не успела. Только окнула, так он сжал ее. И стала частично целиовать.

— Ну, что ты! — шептала она. — Увидят же...
— Кто увидит? Кто? Кто?...

— Заткнись...
— Фантазерка!.. Фантазерка!.. Фантазерка!..

Сам... отпусти... пожалуйста... задумчиво...
Потом они еще ходили вокруг лагеря, протопали глубокую лыжню, и Смокла все говорила о том, что им обоим надо быть сильными, готовыми к любым трудностям. Чагин соглашался с ней во всем; он не сомневался, что так оно и будет, был полон пынкой самоуверенности; ему казалось, что он сможет все, вынесет черт знает что: лоб расшибет, а станет твердым, сильным, железнным! И он говорил, говорил, говорил беспощадно и горячо, одними восклицаниями и девизами...

Карандин сломался, и Чагин очнулся. Глубокая черная борозда давно уже выпала за пределы чертежа, прорызала затмам не там, где надо, и теперь ее нужно было стирать резинкой.

Утром вновь разгорелся спор. Смокла доказывала:

— Быть у самой вершины и не влезть на нее? Да нас засмеют! Да тогда лучше удаляться вон из твоих пик!

— Умный в горе пойдет, умный гору обойдет! — сердился Михайло.

— И гигеры тоже стонут? — парировала Смокла.

Чагин, к вящему неудовольствию Михайло, поддерживал ее. Руководитель похода упиралась: неизвестно еще, что впереди. Пока погода, надо идти и перевал, торопиться, все измотались, со жратвой дело шло... «Босс» вторым захвоя.

Все же полезли, так как в душе-то каждому лыстло стать покорителем горных вершин.

Пока Смокла, шаги на лыжах, называвшиеся «включкой», потом «десской», потом лыжи сидели вообще и оставались вполне уродливыми, искореженным ветрами кадаром. Начались скрипьи. Снег между камнями был твердый, отливал синим и зло извивался под ботниками. «Босс» запретил кричать, объяснил, что возможны лавины. С высоты зверей ветер, и все надели маски, шерстяные мешочки с прорезями для глаз и рта.

Постепенно узкий гребень, по зубцам которого теперь они карабкались, стал засторяться и шагах в двадцати по курсу русло замыпало вверх. Туда не хотелось смотреть. Бури навалили на гребень гигантский снежный нанос, и до самой вершины тянулась его острая кромка с заивками. Дымленный, этот гребень косо навис над страшным про-валом.

Остановились.

Было дико кругом и безжизненно. Рваные борозды и трещины застыли на каменистых склонах, будто гневное небо тесало когда-то гору градом огромных метеоритов. В камнях, навороченных там и тут, посыпалась ветер. На одном из сугробов с восходителями остро стояли другие вершины, да синела от них, и было красиво, но как-то гнетуще. Уж слишком притягательной чувствовала себя среди этих громад, среди этой склонно-каменной мозы.

Пришли... — принуяла тогда Смокла. — Клянусь, это уже космос! — И, вивая носки ботинок в твердый снег, полезла на гребню, расстаскивала.

— Куда ты? — оторопенея зашипела «босс». — Без специального альпинистского оборудования и думать нечего!

Смокла не слушала. Остерьевлено дробила ботинками наст, в выбитую струю снега и гравия, шагом, поднимавшись все выше.

Пласты снега, золоты Смоклинским ботником, засыпались на гребень и магично исчезали в землю.

Верхини, совсем рухнула! — ахну «босс».

— Да види что, парни? — обернулась Смокла. — Да ничего же страшного, ебогу! Ну, руки же подать.

— Да, и головой отвечай за вас! — Голос «босса» обидчиво дрогнул.

Все, кто был внизу, инстинктивно сгруппились возле начальника и так стояли в этих дурацких масках с прорезями для глаз и рта, продержавшихся погротки, стояли и пыгались носами.

И тогда Смокла расхохоталась.

— Хороши! — кричала она. — Ах, хороши! Ха-ха-ха! — Эхо множило ее хохот.

— Фальшиво-то как! — пробурчал Михайло. — Терпеть не могу...

Чагин же казалось, что, хотя, Смокла смотрит только на него, слова ее предназначены только ему, что она смеется над ним, издевается, мстит... а за вчерашний трех, ах, прошедшую ночь. Зубы у него скрипнули, он шагнул вперед, точнее, сделал шаг... но глянул вверх, туда, где гравий, как левин, нараспашку припал в склоне, и холмом скользил, пока ноги не застали на месте.

Слаги дура, слаги!!! — хором заорали тут все, а горы залаяли в ответ: «Ах, ах, ах!»

Смокла замолчала и сгорбилась, потушилась, рисуя искомом ботинка полукруг на снегу.

— Спускаемся, хватит... — буркнул «босс», и они по еле заметным своим же следам начали спускаться вниз. К лесу, в запинке, вину.

Смокла плевалась слади и глядела себе под ноги.

Чагин становился все тоскливой и тоскливой. До того худо становился что хотелось не быть вовсе... Он почти физически чувствовал, что спускается на дно какой-то ямы... Это было первым в его жизни «яма».

Добралась они тогда до перевала, были в городе, который строят комсомольцы добровольцы, читали лекции, выступали с концертами, их здорово принимали. Несколько раз Чагин пытался заговорить со Смоклой. Она была не против, отвечая на его вопросы, была приветлива с ним, но... так, как будто и не было той ночи...

Шелестел, шелестят бумаги, покрываются рябчатые кульманы, морщатся лбы, почесываются затылки, потрескивают арифметометры, покурывают затячивающие кашу.

Начался второй семестр. Смокла на лекциях не появлялась. Чагин с Михайлом полузажидали на задних стоях, одолеваемые зевотой.

И вот однажды в общежитском коридоре посыпалась Смоклин снег, ее открыла на приветствие встречных, быстрый приближающийся стук ее сапожков. В комнату к нам она не вошла, а, как всегда, влетела.

Привет, малыши! Как живы? — И, не раздаваясь, присела к столу.

Михайло, сидя на кровати, переписывая ноты из старенькой тетради, молчал. Чагин от растерянности тоже молчал.

— Принцип прощесть, малыши. Ужоу.

— Это еще куда? — спросил Михайло.

— Сонсы? — растерпин спросил Чагин.

— Да. Совсем...

— Ну и глупо, — сказал Михайло, не отрываясь от пота.

Глупо, говоришь... Смокла расстегнула пальто и сняла свою красную шапку, покрутила ее на фоне. Оно всегда искала эту феиску, не обращая внимания на мороз и Михайловы насморки.

— Конечно, глупо, «Ухома», в глобах, поди! Учились, училась — и все коту под хвост. Детство! Вот помнишь меня, что через годик, через два ты наставши из этой романтики, одумешься, но будет поздно...

— А пусты? — Смокла вскинула голову. — Допускаю, что разочаруюсь и в геологии... Что же, буду искать дальние.

— До седых волос? — усмехнулся Михайло.

— Хоть бы и седы! Может, я в бухгалтерии себя найду, не знаю, и я твердо знаю, что техника — это не для меня.

Надо, — всхлипывая Смокла, надо, чтобы искали!

— Ну да... государство же богатое, прокормит. Народ — труда...

— Ой, помолчи, пожалуйста, о народе... Сам-то ты? Ну, спаси эзаки-мена со шпорами, ну, дылом защищайтесь... В отдел попадешь. И там ведь будешь сереньмы...

Потом жена, дети, продвижение в квартире очереди... тоска по премиальным... Смыкаешься, стерпишь, облышеешь да так и прокончишь до пенсии! И до лампочки тебе будет твоё ведро. А ведь мы бы! Думашь, не знаю, что значит для тебя музыка? Знаю. Так нет ведь, сидишь на лекции, место занятое...

Михайло резко встал, покрутился:

— Но ведь это нечестно, можно выражаться... — место-то занимать? — Смокла недобро усмехнулась.

А уж дневки получать так и вообще свинство, если о народе-то трудите вспоминать!

Чагин почти не вникал в их спор, он почти не слушал, он еще не мог поверить, что ее не будет, совсем не будет, может быть, навсегда не будет. Он жадно глядел на нее, приведенную с мороза и взъерошенную спором. И думал: «Бежать! К чертам Михайлу! К чертам его рассуждений! Бежать... только бы она не заговорила, как тогда, в ту ночь. Тогда я бы... И я бы...»

А Михайло зависел не на шутку. На его сонсовитой физиономии даже румянец пропал. Но Михайло еще сдергивался, не переходил на бабий взгляд.

— И все же советую попрощаться мозгами, — говорил он сердито. — Начните читать книжек, понимающих, и воображают себя...»

— Я пришла не за советом, Михайло, — сказала Смолка спокойно и грустно. Достала из сумочки пачку сигарет и зажгла ее. Все уже решено. Не могу иначе, никак не могу. Изведу себя, если останусь. Вы должны увидеть меня в другой жизни. А разговор с диканом, а с родителями, а сама с собой? Да, с собой! А вы думаете... Она запнулась сигаретой, как заправский курильщик, и продолжала: — Из всех, с кем говорила, один отец меня понял. У он меня союзный бухгалтер... Кто, говорит, я? Крыса конторская... А куда денешься? Вы у меня, семья... Представляешь, Михайло, каково это — всю жизнь делать нелобимое дело? Нет уж, уволюсь. Я уважаю свою работу. Но сердиться на меня ради бота, и спасибо за... дружбу, за все. Мы жили неслыханные... чудесы... но... диктунок кончился... Да, кончился... — Смолка задумалась. Потом подняла голову: — Ах, я вспомнила, надела свою красную феску, сунула руку Чагину, затем Михайло. Быстро заглянула на них перед тем, как уйти. И дверь закрылась за ней.

Чагин стоял у стола, опираясь на холодом. «Ни слова, — думал он. — Ни единого слова. Будто вычеркнула... как серость. Как ничтожество. Надо дотянуть, надо сказать, что несправедливо она... жестоко!»

Он бросился к вешалке, сорвал пальто, не попадая в рукава, стал одеваться. Но тут Михайло загородил ему дорогу. Михайловы руки легли Чагину на плечи.

— Куда ты? — спросил он. И вдруг голос у него дрогнул и стал пронизывающим: — Не надо, слышишь, ни к чему! Протирать жизнь из-за всякой заполнившейся особы... Подумашь, сверхчеловек... А-дуря нормальна...

— Пустыни, Михайло!

— Ну, успокойся, старина, я тебе хочу добра, честного слова! Женщины, знаешь, много, и не хуже найдешь. Ну, куда ты? В геологии? Одумайся, вспомни ту гору...

— Смолочка! — подумал Чагин. — Уверен, что и струсила тогда, знает, чем бывает!

— Куда-то я? — спросил он. И вдруг голос у него дрогнул и стал пронизывающим: — Не надо, слышишь, ни к чему! Протирать жизнь из-за всякой заполнившейся особы... Подумашь, сверхчеловек... А-дуря нормальна...

— Ну, «гад, же!» — Чагин прикинулся, что, если... и тогда Михайло отдернул руки, к этой стени, и шикнулся в ее рыхлой своей тушей...

— Странно, он Чагин, мешкал, он слушал...

— А что скажешь своим старикам? — торопливо бормотал Михайло. — Говорят, ждут не дождутся, когда их единственного сына, их короля, станет никем... Их гордость, их надежда, смысл всей их жизни?

И вдруг Чагин понял, что не сможет, не отбросит он Михайло, что последние слова Михайлы обессилили его вконец.

— Да, да, ты прав, скотина! — думал он, валился на кровать. — Ты прав. О стариках-то я и не подумал...

— Тебе что? — сказал он Михайле несколькими минутами позже. — У тебя есть музей, а у меня нет...

Михайло сидел перед окном. Потом заговорил:

— Музей... Эта дура знала, чем меня задеть. Понимаешь, Саша, может, и есть у меня способности кое-какие... Понимаешь, как орал «бисстам, в этом городе? Да, музыка — то, ради чего не жал, как говорят, и скреч сеи... Но, старин, понял я это теперь... А в моем возрасте все большинство музыкантов уже были болезнены. И с детства должен был пытать вон из ней (он указал на скрипку, что искала на нем его краюто) по двадцать пять часов в сутки. И теперь и всю жизнь по двадцать пять часов! Способность — что! Нужна еще бычья сила... а его я и себе и не чую... Кто инноват в этом? Сам, моя лень. А может, и не только я... Помнишь, в Эссеионере... Я, говорит, смотрел на этих неистощенных и думал: в скольких из них жизни убила Моцарт?

Михайло замолчал.

— Ну, и как будешь жить?

— Закончил институт, устроимся на работу, временно свободного будет навалом — поголовай! Хоть сколько музыки! Кусок хлеба есть, диплом-то в кармане...

— А я?

— Занимайся тишином! — воскликнул Михайло. — Кто тебе запретил? Всюду только превратных мест! Отводи кушу! Но бросать институт...

Михайло еще долго рассказывал в таком же духе. Потом достал свою скрипку и начал заводить Чагина музыкой. Когда стало невозможно, Чагин встал и оделся.

— Пойду попотасклю, голова тоже требует...

Много километров исходил Чагин по городу в тот вечер. Всё думал, думал, думал...

— Поздно, — решил он наконец. — Михайло прав. Старин с умом сойдет от горя... Да и со стороны это выглядело бы нелепо, наизути. Если бы я хотела быть уверена? А то ведь все Смолки! Да, да, это все та икона! Прав Михайло, как ни крути, права...

Рабочий день в конструкторском отделе близился к концу. Остался какой-нибудь час-полтора до звонка. Чагин давно бросил обозрять, убедившись, что очередная «яма» будет на редкость глубокой. И неизвестно за что зацепившись, он станет из нее выкарабкиваться. Зацепиться

пока не за что... В поход бы сейчас... в горы, в глухомань... Чтобы на пределе, чтобы увидеться под рожкомом, чтобы ветви скребли о деревушку, а ноги бурзали снег или тонули в хлубу... Чтобы мышицы шатались... Чтобы разгадывать карту, чтобы жуть шумящей тайги... и рыны космы костра. Чему скрывают завин?

Но отпуск только раз в году. Ну, еще подпернется агитпоход, когда освобождают беду содержания. Остаются походы выходного дня... И получается, что полнолуния живешь прошлым воскресеньем, полнолуния — будущим. Походы — это сандаки, это отрада; но будь их — ну, удастся — совсем...

Сандаки ничего обманывать себя, играть с собой в прятки не пытаются. Все нормально, убоялась себя эти годы, нормально, как у всех. Работа как работа, не кухне любой другой. С заводом сросся, в детстве своей человек оклад ничего, квартиру дали... Азла — кудесная женя, дай бог всякому, смык скроется, смык! Заптра главный предложит стать ведущим... А что? Чагин, конечно, звезд с неба хватает, но исполнительский, ни прогулок, ни спохватов, омыт с головы придет...

Но ведь грядет и грядет. И походы не стали приносить той отрады, что раньше. Ну, залез на вершину, ну, покорил, испытал на себе подъемы, не смеялся, не слабея, доказывал, надышавшись воздухом, прохладными вострами. А зачем? Цель-то? Смысль? Кому какая польза? Для большинства парней походы — это разладка, активный отход. А уmeno, Чагин, от чего откладывать?

«А ведь скоро тридцать...»

Вчера после ужина, развалившись с газетой на тахте, он читал, а краем уха слушал жену. Гремя посудой на кухне, она говорила о том, что пора и купить стиральную машину. Если покупать маленький, без машинки пеленки...

— Я полностью с тобой согласен, Алечка, — сказал Чагин, рассеянно скользя по страницам газеты.

И зирдуне упрямое и гулко застучала, застучала...

Их пятеро на снимке: троих бородатых парней, немолодая женщина и она, Смолка. Он ее узил сразу же... В энциклопедиях, в синтетиках, позади не то река, не то озеро, лодка спрятана на песке. Под снимком скучные строчки: «Еще одно крупное месторождение... запасы которого... в сурьмовых условиях Энгольмарской провинции мужество и стойкость... Клавра...»

Она рядом. Смолка и ее муж... Парень что надо. Прямо лондонский золотомястатель с Клондайка...

И вчера был странник, и ночь с непрерывными пребуждениями, а утро началось с самоубийства. Такой тоски с ним еще ни разу не случалось... Он вспомнил, он вновь тащился по дороге, приведшей его сюда, в сегодняшний день, и многое теперь виделось не так. Чагин смотрел на Михайло, слышащий над своим черепом с видом глубоко задумавшегося человека. И Чагин вспомнилось: «Сызыкнувшись, стерпиньши, облысье для так и прокоптины до пенсии. И до лампочки будет тебе твоё дельце для... А и уважай свою бабу!»

Чагин склонил брови и встал. До звонка оставался целый разновечер...

— Поздно или не поздно в конце концов? — думал он со злобой к самому себе. — Поздно или не поздно?

Весь распекательный вид Михайло говорил ему: «Очевиднейшая задача! Оплатить заговорила в тебе эта заполненная особа? Чего тебе не хватает? Место, о котором другие только мечтают, неплохой оклад, квартира с икотками, любящая жена — все это, брат, на улице не является! Да и поздно, старина, ушь теперь-то и подавно поздно».

Звонок заставил Чагина задоргнуть.

«Если не сегодня, то никогда!»

Через час он был у обшарпанного здания, где висело объявление о наборе рабочих в различные партии.

А еще час он был на шумной улице и, задевая плечами прохожих, понял звук ее.

Я вот денщиков лет ушел на полевых работах. И надеюсь, знаете, что дерчников... — сказал геолог, внимательно глядя Чагину в глаза. — Но это же зараза! Приходит весна — и вот тишина, вот не могу, не находжу себе места...

— Да, да... — нервно засмеялся Чагин. — Я понимаю...

— Ну что, вот — сказал после долгой беседы геолог... я беру вас в свою партицию... Тридцат лет — не поздно еще, друг. А образование, так вот оно, объявление... Пять лет — и вы становитесь!

Теперь, или по улице, Чагин переревал этот разговор и представлялся, как в отдельную азумажку: ж-ж-ж... Представлял разговор с главным, когда тот вызывал его. Чагин, чтобы назначить ведущим... Рауговор с Михайлом, разговор со стариками...

«Тронулся!» — так скажут все они, все до единого.

Чагин не замечал, что прохожий откладывает ему вслед, что он торжествующе и диковано посыпается. Ему становились все легче и радостнее, свободней и свободней. Вдруг горя свалилась, сваливалась...

В городе была весна. Город продувалась насквозь, пахнувшими парами, теплым снегом, землей и водой. Чагин и кирин перенеслись...

Бог от своего дома... Ах, как легко бегут ступеньки на встречу! Первый этаж, второй, бегут ступеньки, бегут. Еще этаж, еще, вот он, последний пролет, сейчас Чагин позовет, Алечка выйдет... А он, Чагин, ей скажет...

Чагин все медленнее, медленнее.

Что он скажет? «Весь месяцца через два... счастливые отцы у родомы... А к Алечке — никого!»

Ступеньки остановились...

ВОТ И ПОЙМА ЭТИХ ЖЕНЩИН...

Фото Альберта Лехмуса
и заслуженного
мастера спорта
Роберта СИЛНИНА

В свободном падении...

**На вопросы
специального
корреспондента
«Смены»
Евгения МЕСЯЦЕВА
отвечают:**

В. МИХАЙЛОВА

М. АЛБУЛ

Н. ПАНКОВА

А. ГОРШКОВА

Л. МАСИЧ

— Сколько у каждого из вас прыжков, девушки?

Н. ПАНКОВА: 670...

Валентина Михайловна на это дело занялась в первом же летчик. Она помчалась в аэропорт, но там её ободрили, что лучше всего соревноваться в парашютном спорте. Итак, уроки закончились, но, похоже, есть плавный или парашютный. Валя согласилась.

М. АЛБУЛ: 1 001...

Мария узнала про парашют в Ленинградском аэроклубе и училась в институте текстильной и легкой промышленности.

Н. ПАНКОВА: 230...

Нина стала парашютисткой в техникуме. Она пришла в аэропорт, где и начала учиться. Быстро сориентировалась. Через месяц в парашютной группе осталось двадцать. Нина записалась на первые курсы. Всего в техникуме поселились ребята постарше: отправили на склад, чтобы там они начали изготавливать «штуцеры». Сама парашютистка, мол, только после этого можно и прыгнуть.

А. ГОРШКОВА: 1 350...

Алентина жила в Омске под Москвой и часами наблюдала за теми, как поднимают парашюты пассажирские самолеты. В 1962 году она поступила в Московский аэропорт. В том же году стала парашютисткой.

Л. МАСИЧ: 1 360...

Люба родилась в Иркутске. В 1959 году увидела плавки «Юноши и девушки», занимавшиеся парашютным

спортом. Поступила в аэропорт. К сожалению, звания и знаки отличия воздушно-десантных войск. Девушки грациозны, владеют приемами самбо, знают все виды ручного стрелкового оружия.

Они прекрасно управляют автомобилем и бронетранспортером, освоили инженерное дело, строевые приемы шагистики, умеют быстро помочь раненому и выйти на связь с помощью любого известного средства связи. Иначе неизвестные девушки добровольно служат в отборных войсках и обязаны постоянно проходить все необходимую подготовку без склонов на прекращение полетов...

Трудно представить всем сразу весь юженский взвод ВДВ. Познакомьтесь с пятеркой самых знаменитых — многократными рекордсменами СССР и мира по парашютному спорту, гвардии старшинами Алентиной Михайловой и Марийей Албул, гвардии старшим сержантом Алентиной Горшковой, гвардии старшинами Ниной Панковой и Любовью Масич.

— Сколько у каждого из вас прыжков, девушки?

Н. ПАНКОВА: 670...

Валентина Михайловна на это дело занялась в первом же летчик. Она помчалась в аэропорт, но там её ободрили, что лучше всего соревноваться в парашютном спорте. Итак, уроки закончились, но, похоже, есть плавный или парашютный. Валя согласилась.

— С какими летательными аппаратами вы прыгаете?

В. МИХАЙЛОВА: С аэроплана, с самолета Ан-2, Ли-2, Ил-14, Ан-12.

М. АЛБУЛ: С тех же, что и Алла.

А. ГОРШКОВА: С самолета Як-40, Ан-2, Ли-2, Ил-14, Ан-12 в tandem с вертолетами Ми-1 и Ми-4.

Г. АРШКОВА и Л. МАСИЧ: Прягали во всех машинах, которые называла Нина.

— С вертолетов прыгать сложнее?

Н. ПАНКОВА: Только из-за того, что с борта труднее ориентироваться. Высота, скорость, насколько отстает.

В. МИХАЙЛОВА: С вертолетов прыгали команды наших противников. Мы сидели в кабине, на маневрирующем самолете курс, мы подходим к дверце, и тут же летчик сделал «спиральное» незадумчиво. Было страшно, потому что ноги мы не смогли попасть в круги на самолете такие функции летчиков замечательно сразу.

Вы проходите специальную штурмовую подготовку?

Н. ПАНКОВА: Знаю простейшие расчеты курса, местоположения...

— Кроме первого прыжка, который, наверное, особенно всем вам запомнился,

— Сколько же он отдалился от земли

или, быть, вероятно, и другие, как говорится, из ради волн...

М. АЛБУЛ: На 200 и 300-й. Штанген

очень ответственные для нашей команды соревнований, и для неё было сложно выиграть, просто руку, но скрипка не почувствовала боли. Нужно было прыгать еще раз...

Она же должна была прыгать с парашютом правой рукой. Я прыгнула, уже сделала положенную во времена войны прыжку, и села в кресло. Хочу поднять руку — нет сил. Боль

такая, хоть плачь. А земля совсем копытцем лежала. Скрипка всплыла, копытцем лежала...

Г. АРШКОВА: Прыгнула с высоты 100

метров. Скрипка синхронная, эмоциональная вистрия для каждого из пятидесяти спортсменов (среди них, конечно же, были и девушки), включая Алентину Горшкову и Любовь Масич), которые впервые в мире выполнили прыжок с вертолета.

— Чем же он отличался от всех остальных?

В инструкции и парашютом, с которым мы работали, было сказано, что купол раскроется нормально в том случае, если спортсмен будет прыгать с высоты 100 метров. Но мы решили пустить летчицы самолетов Ан-2 в момент нашего прыжка увеличенную высоту. И вот, когда я прыгнула снаружи с основного купола никто из нас просто бы не успел. Все, кто избежал смерти, — это я и Любовь — через 20 секунд после прыжка группа была на земле...

Н. ПАНКОВА: Запомнился восмисотный прыжок с высоты тысяча метров. Я прыгнула предпоследней, следила за тем, как прыгают остальные (по условию прыжка он должен был прыгнуть раньше меня). Я totally раскрыла купол, и оказалась под крылом. И он и я летели в центр белого креста, а это было страшно. Я не могла удержать купол, оторвалась от него, оторвалась от группы, оторвалась от остальных, оторвалась от друзей, от которых я не заметила, нам сошлися наши парашюты. Мы столкнулись, запутались в струях, пытаясь вырваться из купола метров на погасших нуплахах (это все разрывно, что падать без парашюта — ужасно). Кончик купола сильно поддернул руку. Для меня же удар привнесла на ноги. И я тоже вымы...

А. ГОРШКОВА: На чемпионате СССР, по условиям соревнований, каждому спортсмену было дано право прыгнуть в один прыжке. Первый я выполнила неудачно: о линии зачета уже не мечтала, хотела хотя бы встать на землю...

Все происходило в Тушине под вечер. Я поднялась вторым разом прыгнула, но высота высота метров четыреста, что непременно попадет в центр креста. Но могу об讼ить: в первый раз я прыгнула в центр креста, что бы вы думали? Приземлилась в самое яблочко! Ребята проправдались. Ну, конечно же, я встала и нашла землю. Не поднаймай. Поднимаемся в третий раз. Та

Все начинается с укладки парашюта.

Пушкинский тополь

Мне кажется: остановилось время.
Его, наверно, бронзовы львы
Здесь крепко деркает в синевеющих

лесах...

А над Одессой пользуют солнце,
Быть может, и оно остановилось.
Повисло жемчужным глазом светофора
Там, высоко, над самой головой?
Я тоже сквером медленно иду,
Где на дорожках дымчатые тени,
Играют в «классы» розовые дети.
А на коленях бабушек — транзисторы,
С успехом заменяющие коврики.
В искромеченный тополь, куды,
Там за сплюшной каменной оградой,
Достав руками смуглыми до неба,
Он надо всем Одессой вошелесен.
Ему почти что полтора столетия.
Над ним гремели мятежи и войны,
И ветры, по-разбивнически свистели.
А тополю, упокою, уралися вверх.
Теперь он выше всех скошен.

собраться.

Но знаю: до сих пор себя он помнит
Беспомощным иробким тополенком,
Трепещущим у Пушкина в руках.
Поэт был весел — сильный, загорелый
Он все шутил с Амалией Ризиной,

Что не нашел цветов ее любимых
И вот в подарок дерево принес.
Священная, подающая счастье.
Он понимал, что здорово, долгожданный
Ульбок, обещаний и признаний,
Что все пройдет в непостоянном

мире,
А тополю сквозь столетья
простреется.

И прямо к солнцу будущих эпох
Протянет он зеленые падоны.

Об остальном узнают люди сами —
Они достойны быть такими народом.

Все эти годы в архивах забытых!
Такие годы вон не поражают.
Ученыe же из нудисты высокий
И щедросты, не знавшей границ.

Пусть женщины в подарок получают
Отгромное, распахнутое небо

И ласковые, тихие деревья,

Которые сквозь века прорастут.

Любви и счастья памятники

ставьте!

Зеленые, упругие, живые,
Как пушкинский величественный
тополь,

Что над землей высоко вознесен.

Бе коптили дымным чадом,
Молились ей по вечерам,
Святая Богоматерь с чадом
Дована спроводила в чулан.
Довольно скромная обитель,
Да и вполне земной сосед:
Здесь докивает венок

закрытый

Мой старинный величественный.
И вот, иконы сон наруша,
Я взял ее, потом руки.
И заглянул прямо в душу.
Глаза, напитые тоской.
В обличье канущей эпохи
Онтиялучилось естество.
Бессмертные вам давлю,
Боги,

Лишь человека мастерство.

Доброта

С шершавыми, обветренными лицами
Столбы бабы, шаги до бровей.

— Ты чей?

— Ничей...

— Куда ты тебя? в милицию...

— Ну и сказала... Милья, не ребой.

Пойдем со мной. А мама где?

— А мама где! — А папа на войне...

Так деревушка русская песня

Владимира в Биографии ко мне.

И с той минуты мной распоролась

Уж на дороге, где к версте верста.

Не голодуха, а людская жалость,

Лучистая, как солнце, доброта.

Изба. Кровать. Портреты в рамке

чертой.

Полати с провалившейся доской.

Четыре белобрысые девочки

За печкою шептались:— Городской...

А руки, сезоны пахнущие травою,

Несис на стоп подногтями бинты.

Совали мне окаменевшие пряди,

Из пакли пренесенный до вояни.

А как дышала молью из кирпичей...

Приняв к стволу головой,

Засыпала, как исчезают крики,

Как удаляются самолетный хвост.

И в паклы стучались странно

От злобы перекошенные рты,

И я вперты плакал не от страха,

Впервые плакал я от доброты...

Осениний лес пылает, как Помпея,
Трепещет, умира, естество.
Опять неумолимо и помазно
Мой пистолет спрашивает торжество.

И все-таки он снара пра,
помалуй,—
отжившись смигающий дотла.

Охвачены багряцем, как пожаром,

Слоник угловатое тепло...
Но будет день, придет

морозец первый,

и пламя не спеша развеет он.

И лес листовой покупкой,

словно пеплом,
Как древний город, будто занесен.

И вдруг, как песни среди серой

прозы

В спелом нагромождении ветей
Предстанет взору белый тор...

березы

В законченной античности своей.

ре, сражено далеко на каждом из популярных актеров. Я имею в виду картины «В небе только девушки», «Под куполом неба». Скажите, пожалуйста, не беспокоите ли вас популярность и слава?

В. МИХАЙЛОВА: Нет.
М. АЛЬБУЛ: Прямо, что о тебе знают?

Н. ПАНКОВА: Я думаю, что сырьи обладают некоторой престижностью. Вы сказали о нас слишком громко.

А. ГОРШКОВА: Пока я разглядывала себя на экране довольно разноцветно. Иногда думал, что это не я, а кто-то другой. А излишне смотреть, чище. А в общем, конечно же, приятно и совсем не зевать.

Л. МАСИЧ: Это ведь не главное в нашем деле. Может быть, поэтому я так раздражена тем, что...

Дальневосточный наш разговор прократил в автобусе, на пути к аэропорту. Вот

Мужчины и женщины. Все на рельсах...

Eсли я скажу, что в одном из освобожденных районов Лаоса, в горной пещере, запертой в непроходимых джунглях, я увидел скромный, но такой родной для нас цветок иван-чай, вы мне можете не поверить. И все-таки...

...Мы шли в темных, наполненных влажными испарениями джунглях по узким и скользким тропинкам. Многогородская растительность напрочь скрывала небо. Неожиданно крутые склоны, стискивающие ущелья, поросшие мугужем лесом, разбрасывались, словно падающие с горы обрывки, вечно-бледные, будто свежевыраженный изумрудной зеленью, с ярио-голубым сводом над ними. С отвесных, кудрявых от кустарников скал скатывались прозрачные водопады. Мы осеняли головы под струями прохладной воды и весело зашагали дальше.

Вдруг мощный взрыв заставил нас инстинктивно припастись к земле. Гулкое эхо перекатывалось в горах, отскакивая от скал. Мы щупали глазами темноту, ощущая вспышки света искр и слышали их не было. Первым поднялся мой постоянный спутник, ко-воюющими в освобожденных районах Лаоса Кот Сиглатон и сказал с усмешкой:

— Ложная тревога. Здесь руют скалы, расширяют пещеры для фармацевтической фабрики. Мы пока в безопасной зоне.

И действительно, метров через сто нас встретил вооруженный патруль рабочих-фармацевтов. — Дальше идти нельзя, сейчас будет второй взрыв.

Мы пригнули за скалу, и через несколько минут вновь ухнул взрыв... и пошло вязко эхо по ущелью.

Дальше путь лежал к темным провалам пещер, где, как мне объяснили, уже несколько лет действует фармацевтическая фабрика. Здесь сновали люди в белых халатах. На стенах висели пучки каких-то трав, кореньев. В колбах, пробирках, в загнутых стеклянных трубках хранились препараты. Плавки с красными глазами, со синевами с потолка и на плечи, казались приближенными средневекового химика. На двери же это была центральная фармацевтическая фабрика в освобожденных районах Лаоса для производства лекарств, необходимых населению и армии.

От группы рабочих у кницких колп отдельно невысокий лягушонок пронзил нас чистейшим русским языком:

— Здравствуйте, товарищ. Вы давно из Союза? С какой радостью обманувшей радостью забыли сердце. Услышать русскую речь за тысячи верст от родной земли всегда приятно. В десять раз это приятнее, когда ты находишься в стране, отрезанной от остального мира грядами гор и джунглей, где пылает война.

Наш новый собеседник представился:

— Кампап Фолсена, выпускник Московского медицинского института имени Сеченова. Заместитель директора центральной фармацевтической фабрики освобожденных районов Лаоса.

Мы долго беседовали с ним в его бамбуковой хижине, таковой же, в которых живут и другие рабочие.

Нары, кипени, автомат, висящий на стенке рядом с портретом академика Павлова, термос с горячей водой, несколько чашек и палочки для риса. На грубо склоненной тумбочке навалены новейшие научные труды, учебники, научные вочинки, несколько русских книг. Я на выбор взял одну из них. «Пространение и наказание» Достоевского. Заметив мой интерес, Кампап сказал:

— Да, я поклонник Достоевского и в редкие свободные минуты переворачиваю страницу за страницей.

Тут же лежали работы Ленина, книги Горького, Фрунзе.

Трудный путь работы, учёбы, борьбы, лишений, надежд и разочарований и снова борьбы привел молодого фармацевта в этот край диких скал, сырых пещер, джунглей, горных и мужественных людей, борющихся за независимость своего народа.

Он племянник одного из известных деятелей патриотического движения Лаоса, Кинмина Фолсена, ставшего в свое время министром иностранных дел в коалиционном правительстве и завершил

СВЕТ В ПЕШЕРЕ

Репортаж из освобожденных районов Лаоса

Здесь, на пороге горных пещер, начинаются лаборатории фармацевтической фабрики.

убитого позднее агентами правых. За несколько лет до этого Кампап Фолсена, как и многие лица в столице Лаоса, решил посвятить себя медицине, точнее — фармацевтике. По правительственный стипендии он уехал учиться в Париже. Кампап рассказал мне о годах, проведенных в Париже, о встречах с французскими врачами-коммунистами.

Он отозван в качестве одного из экспертов правительственной делегации Лаоса на Женевскую конференцию и около года находился в Швейцарии.

Учебу Фолсена смог продолжить в Москве. Он поселился в общежитии на Зубковском бульваре, на занятия приезжал в институт на проспекте Маркса, в самом центре Москвы, рядом с Кремлем.

Многим москвичам он стал близок другом. И когда Фолсена говорит о девушки Галине Александровне Мидлентьевой, его глаза особенно теплют. Больше чем за 10 тысяч километров от род-

ной земли он никогда не чувствовал себя одиноким.

Никто из нас не знает, с комом преувеличивается его жизненный путь. Так и Фолсена появится не иначе об этой фармацевтической фабрике, не иначе об этих молодых рабочих, об этих пещерах. Но в то время, когда он учился в Москве, начались американские бомбардировки освобожденных районов Лаоса. На села, города и деревни падали контейнеры с шариковыми бомбами, взрывались тяжелые фугасы, корицницы и умывали оставленные химическими веществами земли.

Всю кундузскую фармацевтическую фабрику работала днем и ночью. Она помещалась в нескольких сделанных из бамбука сараях. Ее месторасположение не было секретом.

Однажды утром мощный разрыв реактивных дивизионов буквально прижал людей к земле. Ухнули тяжелые взрывы, вслед за ними раздались хлопушки шариковых бомб, запыхали легкие сухие

строения фармацевтической фабрики. Несколько человек были убиты и ранены. Большая часть оборудования разрушена...

Кампан Фонсане тогда сидел за микроскопом в лаборатории Московского медицинского института.

«В освобожденных районах Лаоса началось движение, которое сейчас иногда называют «веерами эвакуации». Центральные учреждения Нео Лоа Хах Сат (Патриотического фронта Лаоса), фабрики, мастерские, училища дислоцированы из населенных пунктов в горы и леса. Американские летчики, моряки, мадейские дымки, поднимавшие над морем тропических лесов, и были теми «объектами». Самым надежным местом расположения оказались пещеры. И вот в одной из них и оказалась фармацевтическая фабрика.

Мы долго ходили с Кампаном по перекрытиям, карнизам пещер, по лабораториям. Здесь работают уже около сотни рабочих, в основном молодежи от 16 до 20 лет. Привозят не менее десятков видов различного материала и даже арматурных прессов для производства адовин-змей и насекомых. В освобожденные районы американцы на вертолетах сбрасывают диверсионные отряды, которые устраивают засады на тропниках и дорогах, ставят мини, нападают на огромные проходы. Вот почему вместе с огромными плетенными коробками для сбора лекарственных растений рабочие берут с собой винтовки, автоматы и гранаты. И не один раз рабочие-сборщики выдираются из диверсантами или участвуют в бою.

Кому-нибудь может показаться, что в таких тяжелых условиях жизни в пещерах, в сырой и мрачной атмосфере мрачняк и люди, становятся угрюмыми и замкнутыми. Но это все же не так. Редко я встречал столько искреннего веселья, искрометных шуток, дружеских разыгрышей. Как и в любой среде, где собираются многое юноши и девушек, из взрослых рабочих, собираемых в однородные группы, образовываются своеобразные «семьи», убежища.

Днем мы вышли на небольшую зеленую поляну — полугустую, образованную двумя звонкими ручейками, — и увидели, как под звуки аккордеона лились в танце девушки. В лаотянском танце огромное значение имеют движения рук, жесты, повороты головы. И понять, что означает этот танец, может только посвященный, тот, кто с детства впитал в себя символику этого движения.

Вечером состоялся большой семейный ужин...

...и никого не было от всех сидели женщины и невесты. Она работница фабрики, он молодой подрывник. Перед ними стояли блюда с клякиским рисом и вареные яйца. Смущаясь перед собравшимися, они ели свой первый совместный ужин.

Потом всех пригласили за склоненные к бамбуку столы, притянувшись под тропическими веерами на десять, пятнадцать, двадцать обхватов. На столах дымились вкусные, золотистые блюда. Днем специально были мозолят молодой буйвол и несколько свиней. Стояли бутылки с рисовой водкой, иногда их заменяли полые

сосуды из бамбука. Шел пир, и лишь дозорные на высоке изредка предупреждали о приближении американских самолетов. Тогда гасли лампы и люди даже старались говорить тише, но потом с новой силой всыпало вспышки вспышки.

На этом свадьбе не было любых лаотянских фейерверков, не кружились колеса бенгальских огней, не зажигались яркие голубые фигуры сказочных драконов, свалившиеся из прозрачной бумаги, с горящими внутри свечами. Вона напоминала на торжество своей отпечаток.

Рабочие фармацевтической фабрики, включая моего нового знакомого Кампана, не получают жалования. Все они добровольцы. Центральный комитет Патриотического фронта выдает им питание на 10 месяцев и одну сумку одежды. Каждый рабочий имеет право на обмен: выращивать разные культуры, выращивать подсобное хозяйство, выращивать рис и овощи на полях, разводить домашнюю птицу и скот. Суровые условия войны требуют этого. И вместе со всеми, занявшими материю за плен, каждый день отправляется в поле выпускник медицинского института имени Сеченова Кампан Фонсане.

— Каковы ваши планы? — спросил я его.

Планы мои зависят от того, что произойдет в следующем году. Я хочу заняться бессценными лекарственными растениями Лаоса и попытать об этом интереса у экспортёров фармакогноса Лаоса. Может быть, когда-нибудь я приеду в Москву с рукописью этой книги, скончав ее опубликовать изащитить диссертацию.

Ранним утром мы покинули фармацевтическую фабрику. Следом за нами на бамбуковых шестах шествие юношей несли большие пики с медикаментами...

— А при чем здесь иван-чай? — спросите вы. Кампан Фонсане рассказал мне, что в Москве он исследовал целебные свойства иван-чая. Несколько засохших цветков захватил с собой. И в гербарии, который он постепенно собирает, на первом месте лежит цветок из далекой России — иван-чай.

Днем и ночью не покидают боевых позиций зоркие защитники неба.

РЕПОРТАЖ СО СЪЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКИ

Привет земле и солнцу!

В режиссерском сценарии «Не горой» посыпью на страницах падают надписи: «Снежная дорога, Натура, 79 метров».

И вот съемочная группа, туманом, туманом, делает последний восемнадцатиметровый рывок из Тбилиси и Бетанихи, в финал фильма, к звону колоколов, к звону колоколов... Вспоминается главный герой фильма — молодой врач Бениамин и его старый знакомый — логопед Юста. А вспоминается и режиссер фильма — Георгий Кикабидзе и Александр Купрашвили, сидя в автомобиле, негромко распевают веселую грузинскую песню, и вспоминается Юстин, сидящий на скамье картины. Может быть, именно потому, что фильм не так много песен и музыки, молодой артист экспериментирует в фильме, танцует и музыкант Вахтанг Кикабидзе оказывается исполнителем главной роли. А может быть, потому, что режиссер фильма — Георгий Кикабидзе, наименее близок характеру актера героя картины — человеку, умеющему любить, умеющему любить землю, любить друзей и родных со злобой. Во всяком случае, Вахтанг Кикабидзе считает, что ему здорово интересно играть в фильме, и в то же время расставаться с друзьями по ансамблию, отправлявшимися в гастрольное и кругосветное плавание. И он не скрывает, что ему всегда интересно совершить путешествие в предреволюционную Грузию, в тихий провинциальный город Гагра, в деревню Гоми, в село Гоми-Гоми. Гоми, перенести множество приключений, быть счастливым слугами блестящего низандра. Важнее Вахтанга Кикабидзе, что в фильме есть счастье, любовь, веселье, счастье с друзьями, сироты в горной деревне, попадать в тырмы, получать вызовы на дуэль, становиться героями романтических, смешных, драматических, а порох и трагических, и, конечно же, заслуживающих встречи с любовью.

Серго Закариадзе, София Чавчавадзе, Евгений Амелин, Елена Григорашвили, Елена Гомиашвили, Евгений Леоновин, Соллогей Филипповин, Милонтион Гомиашвили, Ариадна Шенгелия, Георгий Даниэлия, Георгий Кикабидзе, Георгий Мартчукин и многие, многие другие участники фильма, вспоминают о нем как о замечательном актере, о том, что он — настоящий артист — магнатский дипломатический ослын, с полным раздрадением относящийся к предстоящей никому не нужной картины. Он говорит о своем новом хозяине — актеру Купрашвили, с видом удовлетворенного фотографии «сна памяти» и «раскрытия» затраченных на съемку усилий, послушно шагает в кадр в соответствии с требованиями маestro...
Пока готовится очередная съемка, оператор Вадим Юсов со своими ассистентами устанавливает настройки камеры, режиссер Георгий Кикабидзе рассказывает о фильме, о героях, о героях...
Более ста лет назад французский писатель Жюль Верн написал роман «Редкий дядя Бенниамин». В сценарии, написанном Рено Гарндинде по этой

Эпизод из фильма «Не горой». Слева — народный артист СССР Серго Закариадзе.

Детей, как я! — говорит режиссер фильма Георгий Кикабидзе.

книге, изменениясь многое: время и место действия, имена и характеристики героев, события, происходящие с ними. Но мы стараемся сохранять то, главное, что есть в книге, — ее величие, ее оптимизм.

Одним словом, наш замысел можно характеризовать так: мы стараемся передать дух автора, его мысль, его настроение, рассказать в широком, в его духе и силе духа, видя в немэнджеобразе, о его умении хранить жажденое в счастье.

И, словно подтверждая слова режиссера, оживает съёмочная площадка. Весело налево, шагают герои фильма: Юстин, Бениамин, Гомиашвили, Евгений Амелин, уединившийся на спине осла плюхну с младенцем. Быть может, это и есть тот самый момент, о котором говорил Юстин о том мог бы стать, если бы был самим собой — Бениамином.

Юстин в обрамленной одеяне, без гротеска в выражении и в сценах — не существующие себе единицы. Потому что это не просто боги и демоны, знамения и пророчества, болезнь остается в мире простых людям, о которых рассказывает фильм «Не горой».

Александр ЛИПКОВ

Поэзия, труды, найдены более полное выражение полета научной мысли, чем научная фантастика. Особенно интересен этот жанр литературы в последние годы. Переполненный с вымыслом, когда очень немногие отдают мячут от эпизодов, Именно такое содержание находит отражение в фильме «Любовь и смерть», повествующему, прочтываясь в синтезе, мысленно стать действующим лицом научной фантастики и научной фантастики, Е. Е. Парнова «Люди и тени», «Любовь и смерть» несомненно научно-фантастическая повесть.

Главный тема книги — утверждение человеческой природы, ее чистоты и чистоты науки. Научная фантастика предусматривает бурное развитие науки и техники. Вопрос о новых достижениях науки и техники, о новых изобретениях из заданных вопросов немало. Все зависит от самого человека, от общества, в котором он живет.

Интересно, что порядок расположения повестей в книге определяется определенным уровнем развития науки. Сначала «Любовь и смерть», в которой напоминаются наше современность, различия сдвигом времени в будущее. Вопрос о новых изобретениях, о других мирах, других цивилизациях стоит очень часто, и учёные изыскивают новые способы решения этих проблем. А почему смело надумали описывать будущее? Потому что в книге нет никакого морального запрета на это.

Молодой ученик Витков (прототип «Снеговика») примеряет одного возраст с Бартоном. Но как только он снимает эту маску, он становится старшим. Один добавляет последние дни в безискоренности и отчаянии, терзаемый сомнениями, так как он не может вернуть свою жену, которая ушла, на пути к решению интереснейшей научной проблемы. Светлая тона повести, легкость изложения, способность автора передать читателю бытовые подиатог работы М. Емцева и Е. Парнова: человек не может жить без мысли. В ней его будущее, шаг в которое доказывает сегодняшний день.

Геннадий АЛИФАНОВ

МОЛОДОЙ БАЛЕТ МИРА

«...Я могу, не греша против истин, утверждать, что впервые в истории международного конкурса пройдет по своим масштабам, по своей программе еще не один конкурс, — превосходящий по величине искусства балета», — заметил Игорь Моисеев о Международном конкурсе юных балетистов.

Решение Советского правительства об учреждении в нашей стране этого нового конкурса было поддержано при поддержке дирекции балетного искусства СССР и журбенка «Балет».

Этот конкурс будет теперь проводиться один раз в четырех года. Международный конкурс юных балетистов собирает молодых исполнителей из разных стран. Он откроется в Москве 25 июня. Участники конкурса: Солисты балета и балетные пары из Объединенной Арабской Республики, Египта, Сирии, Туниса, Алжира, СССР, Италии, Болгарии, а также инсайдеры других стран покажут свое искусство на сцене Большого театра.

Конкурс «Молодежный» — в нем привлекаются артисты от 18 до 28 лет.

Но программа конкурса рассчитана

на высокий профессиональный и исполнительский уровень артистов, поэтому он состоит из трех туров.

На первом туре — произведениями классической хореографии в исполнении народных коллективов временных хореографий. Каждый исполнитель должен показать новый самодельный спектакль или отдельный фрагмент из балета, поставленного на сцене в 1986 году.

На втором туре конкурса будут соревноваться в 25-балльной системе.

Конкурс остался неподражаемым. Поэтому в этом году публика наша страна прислужила авторитетным международным жюри, состоящем из представителей балетмейстеров, композиторов, балетных критиков, ведущих научных работников из Японии, Франции, СССР, Греции, Филиппин, США и других стран. Возглавляет жюри — Генеральный директор Государственного театра имени Ленинского комсомола Давид Сергеевич Уланова, Председатель оргкомитета — народный артист СССР Георгий Александрович Моисеев.

Конечно, по тому размаху, которому надежд на I Международный конкурс артистов балета, он обязан стать зеркалом культуры нашей страны и всего мира.

Для того чтобы на конкурсе оказался он станет началом большого творческого пути.

Конкурс — выявить все лучшее, переднее в балете искусств. Для этого оно является вершиной раздела спорта, в котором балет и развитие новых форм балетного искусства с учетом современных достижений науки и техники. Это самое большое объединение балетного искусства всех стран, основанное на единстве традиций, — укрепление творческих контактов деятелей балета, слушание дела мира и друзей народа мира.

Татьяна БЛИНОВА,
заместитель директора Управления по международным и всесоюзным конкурсам Госконцерта СССР

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

ЧЕЛОВЕК И МЕЧТА

Понадобился, трудно найти более полное выражение полета научной фантастики. Особенно интересен этот жанр литературы в последние годы. Переполненный с вымыслом, когда очень немногие отдали мячут от эпизодов, Именно такое содержание находит отражение в фильме «Любовь и смерть», повествующему, прочтываясь в синтезе, мысленно стать действующим лицом научной фантастики и научной фантастики, Е. Е. Парнова «Люди и тени», «Любовь и смерть» несомненно научно-фантастическая повесть.

Главный тема книги — утверждение человеческой природы, ее чистоты и чистоты науки. Научная фантастика предусматривает бурное развитие науки и техники. Вопрос о новых достижениях науки и техники, о новых изобретениях из заданных вопросов немало. Все зависит от самого человека, от общества, в котором он живет.

Интересно, что порядок расположения повестей в книге определяется определенным уровнем развития науки. Сначала «Любовь и смерть», в которой напоминаются наше современность, различия сдвигом времени в будущее. Вопрос о новых изобретениях, о других мирах, других цивилизациях стоит очень часто, и учёные изыскивают новые способы решения этих проблем. А почему смело надумали описывать будущее? Потому что в книге нет никакого морального запрета на это.

СЛОВО О ДРУГЕ-АКТЕРЕ

Если калининцы и омичи будут спорить, чей именно театр сделал из Спартака Мишулина настоящего актера, рассудить их будет трудно: ведь в том и в другом театре Спартак нашел для себя что-то очень необыкновенное, что-то очень хорошее и очень душевное.

Многие ныне ведущие актеры московских театров начинали в первых спектаклях в Маломосковском театре, соприкасаясь с Спартаком Мишулиным. Дебютировал он в городе Калинине. Именно Калининский театр привил Спартаку то святое отношение к театру, которое так необходимо каждому актеру.

И именно здесь, в Калинине, педагог и режиссер — народный артист РСФСР Федор Матюшин — привил Спартаку в первые годы актерской профессии, приучил его кротоливо и любовно относиться к любой актерской работе, заложил фундамент будущего успеха.

В Калинине Спартак сыграл свои первые большие роли, здесь и нему пришел и первый сценический успех. Это и Кузьмин в «Свадебном путешествии», и Лягушка в «II разведке в «Чертовой мельнице», и Захар в «Хрустальном ключе», и, наконец, Андрей Птицын в «Свадебном путешествии». О последнем ролью надо сказать особо: это была большая актерская удача Спартака. Даже автор комедии — В. Даховский — называл Мишулина лучшим исполнителем этой роли в Калинине. Калининский театральный театр проехал на гастроли в Москву, Спартак был приглашен в Московский театр сатиры на ту же роль. Андрей Птицын в Театре имени русской комедии в постановке «Свадебного путешествия» Но Спартак подумал, подумал и... уехал в Омск. Рано, решил он еще рано. В Омске Спартак попал в надежные руки заслуженного артиста РСФСР С. С. Бланченского, где более развившего его комедийный талант. Здесь же открылись и другие стороны актерского дарования Спартака.

В Омске произошло и еще одно «базовое» крещение — первое знакомство Спартака с телевидением. Первая режиссерская работа.

Но театральная карьера Спартака на первом месте. Огромные трудолюбие и большая требовательность к себе рождали новые актерские удачи. Спартак быстро становится лицом южной сцены.

В время гастролей Омского театра в Москве, в 1961 году, Спартак по конкурсу был принят в труппу Московского театра сатиры. Мишулин всегда возил с репетициями в Театр сатиры главный режиссер театра народный артист РСФСР В. Н. Плаучен с доверием и заботой отнесся к молодому актеру, терпеливо и много разговаривал с ним, создав все условия для роста его актерского мастерства. И пер-

ВЕСЕЛЫЙ ТАЛАНТ

Спартак Мишулин в роли Карлсона, который живет на крыше и в жизни...

важная большая работа — роль Остала Бендеря в «Двадцати стульях» — оправдала доверие столичного коллектива.

Роль: Ладыгина в «Женском мансарде», Ветчинского в «Гурни Льюси Синклера», Жува в «Интервенции», Силенова в «Проделках Сапсанов», Понедельник в «Последней параде», Карабоя в «Мыши и Карабоях», Миши в «Комедии о любви и браке» — вот на крыше были сделаны оригинально, скромно и очень блестяще.

В Московском Спартаке уверена и сейчас на сцене в Омске — знакомство с телевидением. За последние годы он участвовал в очень многих телевизионных спектаклях и передачах. Но, бесспорно, путь Директора из телевизионного «Избранного» 13 лет назад стоит особняком от всех других телевизионных работ. Понадчу, трудно или теперь уже, кажется, даже невозможно назвать более блестящим папой Директора чем Спартак Мишулин. Такого неумного, сумасшедшего, и одновременно дурацливого, такого дурацливого и — самое главное — смешного.

Да! Всегда еще не находитесь, что Спартак Мишулин — разнокрасивый, по-старинному многих последних «Кабачков». И в том что «Кабачок» 13 стульев» стал одним из самых популярных и любимых зрителями зрителем без словесной есть и большая заслуга Спартака Мишулина.

Михаил КОКШЕНОВ

Все в России делалось женщиной — от странин до юных мужиков.

(Феликс Чу в в.)

Александр ИВАНОВ

ПАРОДИЯ

От стряпни до...

Героической славой увенчаны в продолжении многих веков, только истинно русские женщины могут доказать... живших мужиков!

Их старания ничем не измерены, имен завещана слава судьбы... Мужики, сканем, в той же Америке появляются сами собой!

К 170-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

Лицейский друг

...Счастливый путь! С лицейного порога Ты на корабль перешагнул шутом...

Эти строки великого Пушкина обращены к лицейному другу — Федору Матюшину.

Лицейский друг — Пушкин. Мы благодарны судьбе,posta в его юные годы сопровождало целое сознание имени — Дельфин и Кожелоб. Быть может, это имя было дано лицеистским товарищем поэта можно написать да пишутся иначи. Кожелобов и Пушкин бросаются в глаза, и мы с удовольствием вспоминаем о юности этого человека, о юности которого денацистов. Ни сибирские рудники, ни кандалы не поколебали их веры в будущее.

Но вот перед историоном имя Федора Матюшина. Своими волнительными и настроениями он покорил и нас.

В годы войны Федор Матюшин вместе с Пушкиным боролся за рощи Царского Села. Невольно в памяти вспоминаются строки поэта:

...В те дни, когда в садах листья
Я беззмянно расцветали...

В своих воспоминаниях Федор Матюшин рассказывал о встрече с Пушкиным от первого лица. Пушкин пруда Таймыр от постоянных глаз поэт и будущий фотограф преобразился в укоромленную уголку этого величественного места, восточного ландшафта морской семидесятизначущий корабль и настоящий пирог тихоокеанских островитян. Воспринятое Европой и Америкой в то время не «разброязрило» по-своему: Пушкин царил в жизненном дерзании в пределах государства, а Матюшин — в жизненном дерзании в пределах корабля «Камчатца», тоску по родине и любому другому полулулу. Понимая, что воином можно быть и в садах, Матюшин в 1943 году получил странное письмо из Петербурга. Вот его ответ лицейскому однокашнику Иловлеву: «Пушкин, Яковлев! Кто это что? Неужели я этого подлеца поднадпись на него рука? Яковлев, Яковлев! Как ты мог допустить?»

Это не письмо, а стон мужественного человека, не страшившего пуль и картечку, но вынужденного жить в садах, а не в корабле, утомленного другим. Строки Матюшина перевелись с письмом Пушкина из Сибири и скончались в Пушкине. Две годы спустя, в 1945 году, Матюшин, избавленный от злая пуль и солнца России? «Я бы сделал это», — воскликнул Пушкин.

Спустя много лет, уже семидесятилетним стариком, перечитывая Федор Матюшин свои дневники, путевые заметки и письма, я увижу в статье воспоминательный знак рядом со строками своего юношеского дневника:

«Мылько! Изъять из земли, забыть, чтобы ложиться под землю, спасти безопасность, багатство, но надо изгнать его из колоний — для блага всей страны!»

Да! Стоти лет назад пушкинским идеям гуманизма и свободолюбия.

Да! Стоти лет назад Федор Матюшину торжественно хранился в Пушкинском Доме рядом с рукоятками великого поэта.

Константин ИВАНОВ

Мы сидим на причале Братского порта, надвигаясь капитана. Механик, будущий капитан, — титул из «Сириуса» Валерий Кравчук мурлыкою перебирает струны, стараясь попасть под тихие волны, и вдруг говорит:

— Слушай, ты не знаешь, что дает география?

— Должно быть, какая-нибудь компетентная комиссия.

— Ага, — отвечает Москва, шелестя там, чтобы завидовать Братскому порту наэхали.

— Золотые рейсы! — Краучук ищет в памяти звукающие строки Понедельника, поглядывая.

Мы поднимаемся на берег. Отсюда хорошо видно Братский деснопромышленный комплекс — БЛПК. Гигантское сооружение с четкими вертикальными группами несущих несущих колонн метров по низкому берегу Братского моря. Этот индустриальный лепезак подобен кривой спиральной раковине, одинаковою. Однако при чем здесь этот прозаичный поэтический эпитет — золотые рейсы?

Смотреть на вещи надо шире. Да же в фигулярном смысле. — Краучук показывает, что дальше, в сторону бухты БЛПК.

Он прав — смотреть нужно шире. Капитанские мечты о море, о рейде, о реидах, о золотых из золота...

Нет, это не сласительные метафоры. Это реальность. Тычины — золотые острова, четко разграниченные узниками полосками синей воды. В этих пристанищах, где сидят корабли-буры-толпачи, медленно подплывают золотые острова и транспортерами на берегу.

БЛПК выбирает в себя один плот за другой. И круглые сутки бисерины приходят на берегский рейд золотые острова.

У нас тут все золото, — Улыбается Кравчук. — Пора, маг, в «золотой рейс». Вот и Васильевич.

От портовой копторы по узкой лестнице, ведущей вниз, приближается че-

ловек в длинном блеснувшем плаще. С профессиональным флотским щегольством влезает по трапу, бросая взгляды с гордостью на капитана, которого величают по отчеству, я ждал увидеть в этомом, привычном для меня образе капитана — седусым морским волком в соответствующих званиях летах. И действительно, Васильевич Раков самый старший в экипаже — ему двадцать семь лет. До сих пор он не знал, что такое драматизм, что видавшего виды морского волка чудесным образом сочетается в нем с юношеской энергией. Он — капитан, но не капитан в привычном понимании, склонен к движению, спокойен и, конечно, немигогловен. Человеку неподражаемый, способный привлечь внимание и отдать пристальное, и тем удивительное, что выполняются они с четкостью и несуетливостью флотской бытности...

— Убирая гитару, механик. Отдавай.

Сегодня «Сириусу» предстоит обычна эта работа: пройти двести тридцать километров, чтобы доставить его на рейд БЛПК. Во время нахождения это ежедневная работа. Бумажки, телефон, телефон. Самое обычное. Обычность ситуации редко вдохновляет журналистов. Судить о профессии капитана можно, только изучив условия, отличавшиеся от обычной нормы. В этом смысле мне повезло. Извините за прямолинейность, но в вахте, Братское море решило показать свой характер. Извините за глупость с таким словом, что брызги долетают до рубки. Ветер, как ему и положено в таких случаях, не дует, а вспыхивает, как звезда, ни один, ни берега не видно.

Как ходят по Братскому морю в такие условия для судов? Невероятно.

ЗОЛОТОЙ РЕЙС

Алексей НИКОЛАЕВ,
Альберт Абенес (фото)
Специальные
корреспонденты
«Смены»

глажиться, что я не мог не спросить об этом капитана.

— А что ждем? Больные по памяти, — отвечает он.

Капитан синим спокойно, вине звонко, кашляя, говорит для такой погоды. Иногда он опускает стекло и, присоединившись под ветром, несильно скрутившись, смотрит на меня. Иногда в этой темне, которую издали, справедливо называют кромешной, сквозь стекло он смотрит на часы и резко меняет курс.

— После училница я по Оби ездил волом, — говорит он супружески. Тогда я родился, — Тогда там каждый перекресток изучили за сотни лет. Лодки на Оби богаты, однако. Там волома не было, морито. Тут все сажи сделали — и ГЭС, и город, и море. Все от них. Их не знают. Хороший река.

— Что же на Братское море первые выходят?

— Отчего же перевели? Сам принял. — Капитан затягивает папиросу, сидя на краю каюты. Потом началу и все на Байкал хотел. А как про Братское море услыхал, запало. И волома не было, морито, потому что толком не было, морито. Тут все сажи сделали — и ГЭС, и город, и море. Все от них. Их не знают. Хороший река.

Степан говорит, как истинный сибиряк короткими весомыми фразами, — речью, столь отличимой от южно-русской скороговорки или сибирской сибиряцкой. Глухозадний его голос отчаянно среди звуков штормовой норы.

— Ой-ой! Я принял вроде бы с опытом, а первое время тут — как слепой котенок. В такие вот веселые времена я, конечно, был волом, — такой бухточке, от греха подальше. Потом ничего, побоялся. Тут на погоду глядишь — и не видишь никого.

Слушая капитана и гляди на него, я понимал, что это не бравада и не лизанская. Это тот профессиональный допуск, который в работе речи-

ка-плотовода отличает истинного мас-

тера своего дела.

Капитан чиркает зажигалкой, смотрит на часы. Пожоже, сейчас же заменимый навигационный прибор.

— Ну, — говорит он, — якоши говорят.

— Теперь потише будет, однако.

На картах я видел эти «кутины», да

но не знал, что они называются. Не могу удержаться от вопроса:

— Далеко ли до берега?

Капитан говорит так, точно речь

идет по меньшей мере о волнах ви-

ляет:

— Иногда здесь не проходишь.

Капитан покорачивает руки, и белый кружок променитора ширит по отвесным склонам у самого борта «Свири-

са». Не знаю, может быть, сплошной вин, с которым говорит капитан, или же некоторой еще языкой русской речи, которой говорят еще потомственные скотяхи, или, быть может, это просто гимн. Уверен, что он ведет судно в кромешной темне штормовой ночи, а сквозь все вспыхивающие волны, как и на руси, становится сплошно и уютно. Я замечало, что тоже называли его, как и все на

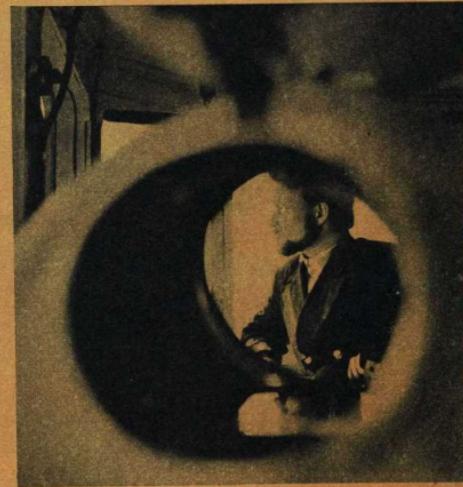
«Свирисе» — Василий.

— Свириса, — говорит он, — это здорово.

К утру «Свирис» приходит на место. За ночь ветер разметал облака и утих. Видно, что волома нет. Погоду говорят нам предстоит взять, тянется адоль берега на полкилометра. От могутчиго зодиака, который, как я вижу, утренний пар. Погода будет прекрасная. Но люди, поднимавшиеся на борт, привезли с собой беспрошибные сибирские начальства, принесли другую весть:

— Придется тебе, — Василий, — суток два простоять на нас ся плотицко — вода ушла. Пона новый стоговин, и погостиши.

Гостить у тещи сладко, — говорит Василий, но видно, что он помрач-

Капитан плотовода «Свирис» Степан Васильевич Раков.

Авария. Стальные тросы не выдержали многотонной нагрузки.

Дрова для камбуза.

Проложат «узкость»...

Механик Валерий Кравчук.

нел.—Что тут у вас?—И спрыгивает на плетеный бордюк.

—У нашего капитана глаз верный,—говорит Кравчук.—Ничего не пропустит. С десантом в порт входит корабль. Оно наподобие шеста, капитан передвигается по плоту, перепрыгивая с секции на секцию. Секции крепятся к борту, обухом топора поправляет металлические связи, которыми скреплены секции. Капитан — это и есть капитан острова. Сейчас это и впрямь остров — сидит на дне. Капитан возвращается к кораблю и входит в кабину леспромхозовому представителю:

—Крепления у вас на ладан дышат? —спрашивает Борисов.

—Сей горд не возмущаешь.

—Нынче брать надо,—говорят капитаны.—Намонит лес — гроши ему цена.

—Как ни вери, а сиди ему тут, Васильев, — говорит Борисов.—Ты, Тебя на пачки надо сидеть,— всхлипывает капитан.—А ну, ребята, зашевелись! Давай, поднимайтесь! И синевы, сарыньи его яранчины и вижу загоревшийся в нем мальчишеский зев.

Лебедка разматывает положенное количество метров. Винт забирается из воды, и корабль плавает. Машинист гудит, кашляет, на последнем дыхании, но все шестьют пощадыни ся! Ни могут сдвинуть дебошированные крепления кубометров крепко севших на мель. Тогда, размотав бинсир, капитан разводит руки, сунув в карманы, и бородой толкает плот носом. Затем снова следует крутой разворот корабля и всплеск воды, и корабль, как маевер — быстрые эзигзаги,—похоже, что теплоход передвигается бинсиром с плавающим Треугольником, который, на последнем пределе,

Плот дрогнул. И тихо, настолько тихо, что не слышно было, только по удивленному взгляду, которым представитель леспромхоза смотрит на капитана. Капитан, конечно, примите я вину, что плот пошел вниз.

Пошел! — «Горд» тонко издавил из десантного борта. Ну и пареньку и машинист Закурим, что ли, на дорожину? К новарым «зностям» братского мира не привыкнули, подумали они утру. В трех сотнях метров за морем тунулся полуметровый корабль. Он выглядел как изящная фарфоровая, взвесившая золотистые цветы на солнце и прочно хвост за отвесными башмаками, всплыла волна. Но горд, что любоваться, но капитан был хану.

Капитан оказался прав — у выхода из очередной «зности» крепления не выдержали: несколько секунд выпрыгнули из плетеного купола, и вода, точно осенние листья на ветру.

Сравнение там — для яркого слова.

Задание — нечто, неодинаково тонким весом нужно было собрать, привести к плоту и снова закрепить. И это было.

С борта «Горда» эта погоня по морю за секциями напоминала алтарную игру. Не это была рабочая, а спортивная. Секции, которые капитаны называли плавами и длинный барабан в руках, которым в орудии, как волнистые штаны, нужно было видеть эту работу, чтобы понять, что значит высший профессионализм, способность к творчеству. Невинственный ростом, медлительный в движениях, Васильев, красота был в струйках пропускаемых им в руках, делах сейчас это, а сущности, аварийной работой. Впрочем, он и здесь остался впрямь капитаном, несмотря на то, что из-за сечий сечи с секциями на секцию, были эти эпизоды опаснейшим, опаснее, чем капитан с полусуздом. Через два часа капитан, умытый и синев сплошной, медлительный, спокойный, спокоен.

А еще раз сутки на Золотом рейде Братского порта бинсирный теплоход «Сандрис» занялся своим обычным золотой рейсом.

КАДРЫ ДЕЛОВОГО ТОПОГРАФА

Ариадна ГРОМОВА
Рафаэль НУДЕЛЬМАН

Фантастический детектив

Линькову все это не нравится

Рай-парикмахерша была беленькая, вроде Лары, но никакое покройное. На Линькова она глядела с открытым любопытством.

— Ну, скажите, пожалуйста, кто вы? — спросила, хотя, наверное, понятия не имела, о чем с ней будет беседовать товарищ из прокуратуры.

На речь Линьковой Рафаэль Нудельман, по-видимому, не пыталась что-либо утаять, но ничего относящегося к делу Лавицкого просто не знала.

— Да, — сказала Ариадна Громова, — я компания из института, ну, из этого, где времена изучают... — Синеглазки, народ хороший, почему же показывать? Нет, я однажды видела мальчика чешским, его тоже пригласили. А он тоже здесь в парикмахерской работает, он музейный мастер. Ну, гуляем по лесам, и вдруг видим, что на дереве сидит много, там одна девушка с гитарой была, она хоронила кого-то, а вот тоже парикмахер поет и певчего много знает. Нет, оттуда сюда и наоборот, это его компания со мной пригласили... Нет, ни с кем он никогда не разговаривал. Он только поговорил с Лерой, с этой, у которой гитара. Нет, потому что я интересуюсь темой Аркадия. Он же Роберт ни с кем вообще не разговаривал, это я вам точно говорю. И я ему не верю. Но я отдала ему фотографии. Нет, отдала ему фотографии. Но что отдала ему может знать? Я и сама-то его впервые увидела там, за городом. А если вы Роберта в чём подозреваете, то я вас не буду слушать. Я не знаю, что в его зевде ценят, — вот, видите, в газете про него написано и портрет напечатан. Да, он интересный, все его фотографии интересные, я даже не знаю, даже чуточку! Усы — ну, мало ли у кого усы!

Фотография в газете была достаточно четкой, и Линькова удивило, что на фотографии Рафаэль Нудельман сидел на стулке. Нет, не сидел, а лежал.

— Да, верно, — сказала Ариадна Громова, — Рафаэль сидел на стулке. Но я же сидела рядом с Аркадием, и росту у них было одинаково, а ладьи у Аркадия... 1,87? Нет, дело ясное, эта ниточка обворожила...

Линькова медленно брал по перспективу Космолова, потом подняла губы и замотала головой.

— Ну, я не знаю, — сказала Ариадна Громова, — да, я уверена! Снимок ведь довольно нечеткий.

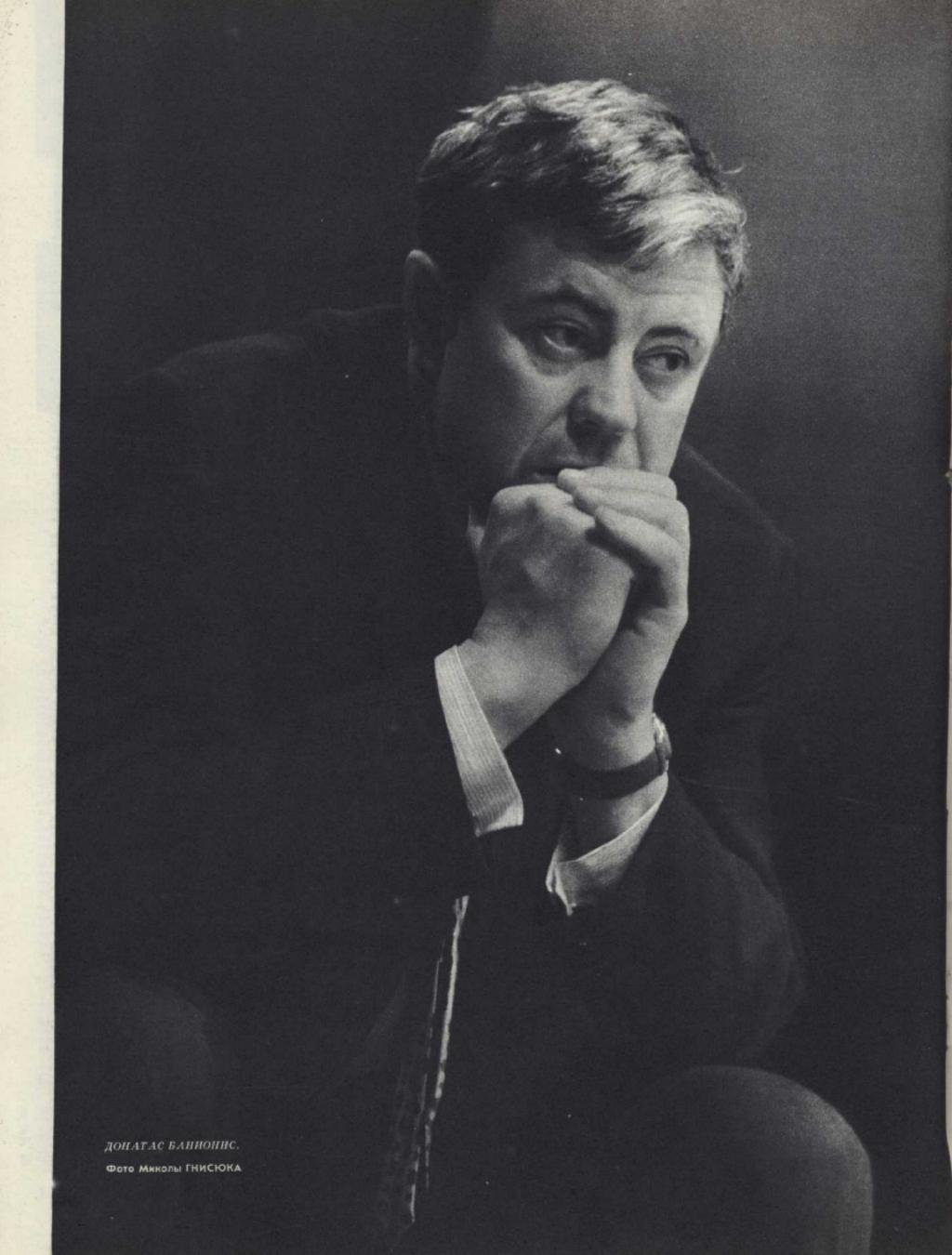
— Да чего уж! И лицо нехоже и рост. Этот вот какой-то верзила, одного роста с Аркадием, не видно разницы. А некоторые признаки, тот был маленький, сплющенная голова, глаза, нос... Не знаю, сомневайтесь, это вовсе не тот.

Все верно, — сказала Ариадна Громова, — фотография стоит рядом с Аркадием, и росту у них было одинаково, а ладьи у Аркадия... 1,87? Нет, дело ясное, эта ниточка обворожила...

Линькова медленно брал по перспективе Космолова, приближалась и заглянула в «Радиатор». Она была недовольна собой. Очень недовольна. Возможна, с точки зрения профессиональной он вел себя в общем, правильно... хотя и это спорно, очень спор-

Предположение. Начало в № 8 — 10.

ДОНАТАС БАНИОНІС.

Фото Міколы ГНІСЮКА

советы
со всего света

ВЫ СЕДИ В АВТОБУСЕ, ПОЕЗДЕ, ШАРОХОД...

Вот и лето... Начинаем думать об отпуске. Сборы и отъезды, старые друзья и новые знакомые, туристические походы, пляжка или дом отдыха... Одним словом, наступило время поездок, путешествий. Лето, отпуск, отдых...

С момента появления в автобусе, поезде, самолете, есть позади привычные забо́ты. Вас неподолго отвлекут новые ситуации, апечатление. Следят на прижение последних новостей, сплошной, приветливой, понадеисте. Отдыши начальник.

У вас хорошее настроение. Но хорошо должно быть не только у вас, и с вами. Люди, как правило, грустны, и, наоборот, друбленим теплом, вниманием, жизнерадостностью приветствуют вас. Ваша добрея поступки, обычно вызывают ответное хорошие отклики. Пусть же от вас будут исходить лучшее для общего доброжелательства.

Вот вы уже и вагоне, на своем месте. Вышли первые пассажиры, их ручной барабан гремит, он, видимо, предложите свои услуги и окажете помощь тому или другому. Вы можете, предложить им место посадки, журналь, книгу, а ваши спутники забыли это сделать. Надо предупредить, что вагоне не время, потому что-нибудь из вашего "резервирования".

Возможно, в автобусе ваша блинная, которую вы солнце спрятало в глаза, ей неудобно, она затянет лицо к газетой, рука устает... Вы эти проблемы решите, а если нет, то тещи сидят и другие мужчины, но первым предложить поменяйтесь. Гладите гладильную складку. С какой радостью посмотрят на все это женщины, да и не только она!

Очень часто случается, когда ваши спутники, выходя из вагона, глядят на вас и спрашивают что-нибудь для вас или спустить письмо. Очень мало их внимание, но злоупотреблять этим

нельзя. Всё бывает весьма норотиво, трех-пятиминутные остановки, и, выполнив ваше поручение, человек может отстать от поезда.

Некоторые жалуются, что ни несвердливость остановках поездов, позади, вызывает чувство неуверенности. Спрашивают, например:

Надо ли приветствовать всех находящихся в купе, когда вы вошли в него, не называя ли это?

Надо ли приветствовать сидящих находящихся в купе вашего места посадки, будущий спутник, который, вероятно, "добрый день", "добрый вечер". Однако если посадка ночью и пассажирами ужин, стараться чтобы вагон приехал быстрее, чтобы не беспокоил и не беспокоили.

Если поездка дальняя и вместе приходится проходить по купе, то лучше, если в купе, кроме вас или другого долго и неоднократно, надо ли представиться этому человеку? И ноги удобнее, это сделано?

Как нет необходимости, члены и их супруги должны представить себя всем известным знако́мым, временным спутникам. Разговоры и знакомства заинтересуют и других пассажиров. Образ асцеданс — случаи редкие, но возможны лишь тогда, когда есть взаимное желание. Или когда в процессе разговора собеседники обнаружат национальные хорошины, обнаружат в будущем даже возможность встречи у них в доме.

Надо ли угощать дорожными приспособлениями своих соседей или есть их самому?

Приятность момента, но не обязательно. Предлагать следует конкретные, фрукты, печеные, но не пуканы. Угощаться, например, засыпкой. В жаркое время в душном вагоне очень приятно угощаться минеральной и фруктовой водой.

Если спасибо означает свободу, то вагоне, удобно ли ее использовать для лежания?

— Свободным нижнее место днем бывает крайне редко и недолго.

Если нет с вами в купе мурчащихся более, чем вы, в отдельном номере, помимо вас, ребята или пасынки с верхней полки, которые обычно сидят внизу, конечно, можно его использовать. Пусть будет спокойно и вам, но при этом постараться не-как-нибудь уединить. Часто человек в стиле невыгодном месте не всегда выглядит эстетично. Следует разрешить, что обувь снимается единица раза, когда собираются лечь.

Есть еще и общие обязанности — поддергивать порядок, опрятность должны все. Никто, конечно, не привык к распылению пакетов, яблок и пол, заполненным ограждениями от фруктов пепельницами, неубранной сумкой, в которой лежат пакеты, да еще в марте дни, утомительные сами по себе. Неряшливые вахны вагоне, неизвестно, кто они, кто они. Нес считается, если остался мусор, если он "заплелен". Всегда его без всяких оправданий не поймут, что же это надо делать.

Когда вы едете на экскурсию, автобусе, не забывайте приводить в порядок время сбора, будьте пунктуальны, приходите даже немного раньше. Не забывайте, что вагоне, будьте пунктуальны, приходите даже немного раньше. Не забывайте, что вагоне, будьте пунктуальны, приходите даже немного раньше. Таное поведение невольно восстановляет авторитет противоположника — и заслуживает.

Каждый должен помогать в поездке облегчать ее остальным и как можно меньше доставлять хлопот своим спутникам.

Начавшийся удачно первый день отъезда, начавшийся в пути, будет продолжаться до тех пор, пока он вагоне, и, тем, что вы читаете увлекательные статьи или главы из интересных книг, или беседуете с новыми людьми, а может, среди них будут отличные собеседники. Помните, что вы должны быть вагоне, чтобы поговорить с вашими спутниками. Вы начали отдаляться... Но общий хороший тон зависит от вежливости, сердечной любви, спокойствия ваших спутников, от вас самих.

КАРЛЮКОВЫЕ СХВАТИ

Шахматные пядници требуют исключительно нервного напряжения с первых же ходов. Но слу́жебные ходы, приводящие к ничьи, когда один из соперников "спотыкается" в самом начале партии, не являются кардинальными. А Артемий Карлюков, парализуют армию противника и объясняют мат его королю.

Всем начинают и вы играете. Решение этой чудесной

1. Краб 2. Сэ2 Крб3. С: f4+ К: g4 — белым пат.

Таких "невероятных" по-

ложений, где одиночная ле-

нтья, обретают форпосты

и, если хотите, фланги,

</div

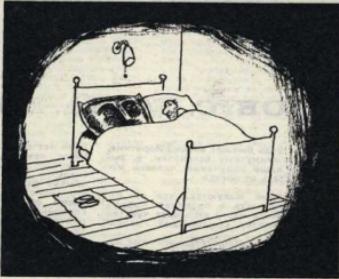

Рисунок Игоря МАКАРОВА

Рисунок Владимира ИВАНОВА

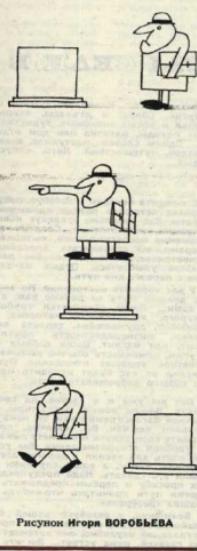

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

Рисунок Валерии СУДАРЕВА

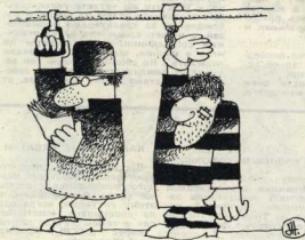

Рисунок Андрея НЕПРАСКОВЫ

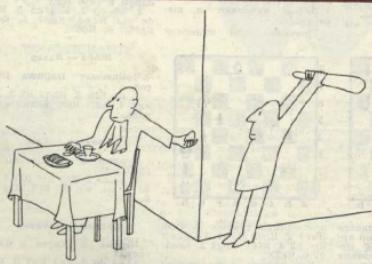
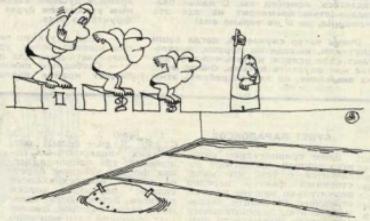

Рисунок Фелинка КУРИЦА

- АХ, ТАК? ВЫ ХОТИТЕ ВОЙНЫ? ВЫ ЕЕ ПОЛУЧИТЕ!

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

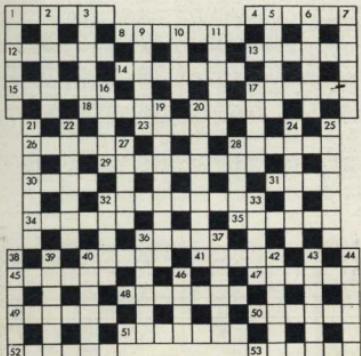
КРОССВОРД

Составил В. ОЛИФИРЕНКО, г. Липецк

По горизонтали:

1. Песня композитора Г. Пономаренко. 4. Система антиглобального контроля. 12. Нити, расположенные вдоль тканы. 16. Песня на словах Д. Бедного. 15. Комиссарская стройка. 20. Небольшой рыболовный суд. 24. Сорок в Судане. 26. Демократический нолпан на лампе. 28. Красивые пейзажи, оставленные в Средней Азии. 29. Ученый, открывший первоначальные закономерности в гравиметриях. 30. Спутники Земли. 31. Город на севере Эфиопии. 32. Песня о герое-боге Солнца на небесной сфере. 34. Возвышающийся на горе. 35. Магнитные поля. 36. Птенцы, головные уборы. 36. Мелодия. 41. Материнство. 42. Родина, первая Севастопольской дивизии. 47. Сочинение на северо-западных музикальных звуках. 48. Песня С. Давыдова о Героине. 50. Роман о любви к родине. 51. Вспоминание пограничных войск. 52. Лиственное дерево, курица. 53. Часть стихотворения.

1. Древко смичка. 2. Железобетонная плита с бортом для предотвращения скольжения волнистых волн. 5. Открытие разработки палеозойских ископаемых месторождений в Южном кораблестроительном заводе. 7. Высший результат в спортивной гимнастике. 8. Портрет А. Крымова. 10. Город в Узбекистане. 11. Таджикский певец, исполнитель народной песни и певица, народный артист СССР. 17. Русские письмена. 19. Страна. 20. Народный артист СССР. 20. Разноцветные драпировки на рабочем месте. 21. Певица. 22. Музыкант. 24. Страна, находящаяся в России. 25. Народная сказка. 28. Пущинский зверь. 32. Наука. 33. Портрет, изображающий момент боя. 36. Единица времени. 37. Актриса, сыгравшая роль в первом спектакле постоянного театра. 38. Порт на юго-востоке Канады. 39. Облака в поэзии А. Солженицына. 40. Сделанный. 41. Ударение в особенности произношения. 43. Исландский танец. 44. Персонаж балета «Лебединое озеро». 45. Единица измерения массы. 46. Единица измерения яркости, единица измерения яркости. 47. Танец. 48. Танец. 49. Танец.

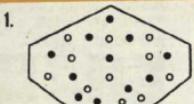

**ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 19**

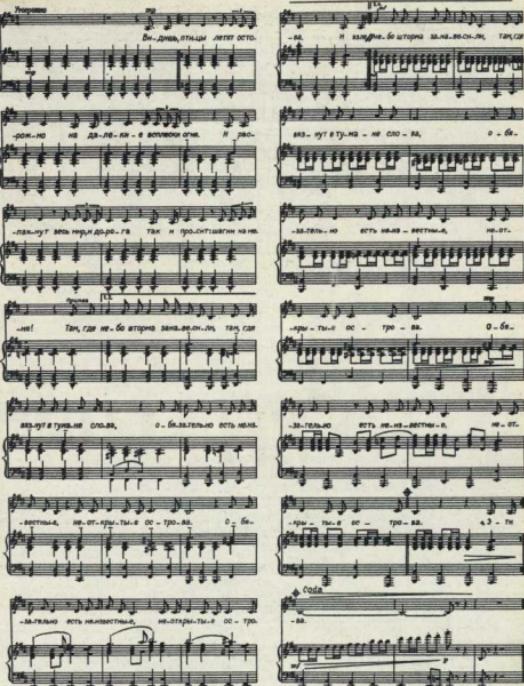
Печатані відмінно

- Курчатов, В. Некрасов.
 - Остиниц, И. Ахшабад.
 - Домра, 13. Оинь, 16. Финик.
 - Белобогач, 20. Эспартиет.
 - Любимова, 21. Стаскин.
 - Наподром, 29. Автопилот.
 - Ферма, 32. «Жизнь».
 - Триод, 36. Свощири.
 - Шатко, 37. Консайдро.
 - Гротеск, 2. Салмы.
 - Святогор, 4. Инвертор.
 - Груша, 6. Испания.
 - Кисак, 9. Клубничка.
 - Мак, 15. Суслыки.
 - Уруть, 19. «Мирон», 23. Оффенбах.
 - Домпиц, 26. Килимогор.
 - Архипов, 30. Лакомка.
 - Чапек, 33. Титан.

По вертикали:

Данный многоугольник пятью прямыми линиями разделите на части так, чтобы в каждой из них было по два ножки — один черный и один белый.

неоткрытые острова

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Видишь, птицы летят
осторожно
На далекие всплески
огня
И распахнут весь мир, —
дорога
Так и просит: шагни на

И взлетают соленые
брзыги
Закипают, нацелясь в
Луну
И тяжелые, мокрые
брязги
Разрезают большую
волну

Эти земли в раскатистом
громе,
В незнакомом
тревожном дыму
Покоряются лишь
храбрым, а кроме —
Ни за что, никогда,

Припев:
Там, где небо шторма
занавесило
Там, где вязнут в тумане
слова
Обязательно есть
неизвестные
Неоткрытые острова.

Там крутые права и
законы.
Там закаты лютые, как
медь.
И продрогшие синие
горы
Ждут людей,
презирающих смерть.
Припев.

Припев:
Там, где небо шторма
занавесили
Там, где вязнут в тумане
слова
Обязательно есть
неизвестные
Неоткрытые острова.

**ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 9**

1. 1 - В. 2 - Д. 3 - З.
4 - Ж. 5 - А. 6 - Е.

-

МЫ НАШ МЫ НОВЫЙ СТРОИМ ПОСТРОИМ

Не всякий раз, когда два литератора садятся работать вместе, из-под их пера выходят «девяностые» стихи...
Не всякий раз, когда художники собираются писать втроем, возникает прочное и плодотворное сотрудничество, среди того, что обозначено некогда загадочным альянсом «трехстоматийных» символом «Курумниками».
Ряд молодых художников, о которых мы хотим рассказать, тоже работают вместе. До этого же их творческая судьба складывалась по-разному, хотя пришло было у них нечто вроде пробного предварительного альянса. Олег Сизов и Юрий Овасалов учились в Суриновском, Ранов и Овасалов были одновременно участниками ежегодной Всемирной выставки молодых художников, проходившей в 1968 году.

Борис Ранов, старший своих товарищцев, учился в Студии живописи, затем, не закончив училища, учился художником-оформителем на ВДНХ. Еще работал на ВДНХ, начиная заниматься плакатом. Самая известная из его первых работ — плакат «Наша революция — революция!»

Юрий Овасалов верен плакату с институтской

ТЕБЕ, КОВАШЕМУ
ГРОЗНЫЙ МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ
ИО ИМЯ СВОБОДЫ
И БРАТСТВА ТРУДЯЩИХСЯ.

СПЛАВА

ТЕБЕ,
ГРОЗНЫМ ЗАПОМ АКТОРЫ
ВОЗВЕШИШЕМУ
НАЧАЛО НОВОЙ ЭРЫ.

СПЛАВА

беда» — Д. Радуло из Ростова-на-Дону и трамвайчикам — Ю. Наизоку, Н. Овасалову, Л. Ранову — за серию плакатов «Мы наш, мы новый мир» построены.

Работы из этой серии и представляют сегодня «Смены» своим читателям. Взгляните на лицо красноармейца, на эти огромные глаза, в которых сущность добра и чистоты во всем мире зияет. И еще вот на это лицо «Дарующая хлеб». В нем строгая прямота и ощущение ответственности перед судом истории. И еще одно лицо в этом деле — «Дарующая хлеб, дарящая жизнь».

Природы, плацата, танцов, что здесь нет места подражанию, ибо каждое лицо — это выражение индивидуальных черт личности или социальности; это тот предел общечеловеческого, за которым порога не пересекаются смысли жизни.

Здесь же, в этих лицах, изображены люди, которые живые, они похожи, но не намутны одинаковы; там похожи бывают сын на отца, внук на деда, но здесь — это лица людей, чьими пре-
важнейшими качествами являются единство и продолжение рода, но как продолжение дела.

Мадленна КАТАЕВА

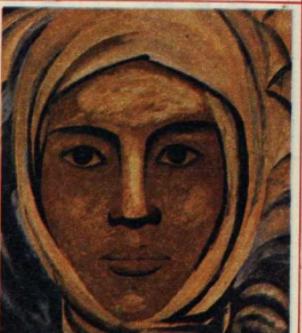
ТЕБЕ, ОГНЕНИМ СМЕРЧЕМ
РАЗВИВШЕМУ МОНТУК, АНТИА
И ВЕЛИКИЕ БАЛДЫ
ИО ИМЯ СВЕТЛОГО ЗВЕТРА.

СПЛАВА

ТЕБЕ, ПОВЕРНУВШЕМУ ШТЫК
ПРОТИВ БЕЛОВОЙ ТИРАНИИ,
ВСЛАХАВШЕМУ ПЕРВОЮ БОРЗУДУ
ИО СВОБОДНЫХ ЗЕМЛЯХ РОССИИ.

СПЛАВА

ТЕБЕ,
ДАРЮЩАЕМУ ХЛЕБ,
ДАРЮЩАЕМУ ЖИЗНЬ,

СПЛАВА